

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 18 (896)

СЕНТЯБРЬ 1964

Николай Островский всегда с нами!
Резерв олимпийцев — 38 миллионов
«Осенью в нашем квартале»
Операция «Уки-куки»

СМЕНА

29 сентября —
60 лет со дня рождения
Н. А. Островского

Ж

изнь столкнула меня с Николаем в самые тяжелые для него время. Это было летом 1926 года в Новороссийске. Он приехал к своим родным из Крыма, где лечился в санатории «Майнаки». Приехал он к нам на юг отдохнуть после лечения. Все мы знали: впереди его ждут тяжелые испытания. Он не скрывал того, что врачи предсказывали ему неподвижность.

Я, как и мои родные, ухаживала за ним. Старалась сделать все так, чтобы облегчить его страдания, принести какую-то радость. По натуре я очень стеснительный и замкнутый человек. Николай — в противоположность мне — был общительным, веселым. И, казалось, что и безлези, а позже и неподвижность — все это временное, случайное.

До его приезда в нашем доме было довольно шумно и грустно. Отец, суровый и строгий, все подчинял себе. Сестра уже была замужем. И я ждала своей очереди. Отец готовил нас только к женитьбе. Он считал, что учиться девочкам не обязательно.

Когда в нашем доме появились Николай, жизнь у нас стала интереснее. Его рассказы о борьбе, о комсомоле увлекали нас. С Колей мы скоро стали друзьями, позже мужем и женой. С точки зрения многих людей, особенно обывателей, наш брак вызывал удивление. Но нам с Колей было хорошо. Мы взаимно дополнили друг друга. Своей жизнерадостностью, вниманием, нежностью он отодвигал мысль о болезни, о тяжелом предсказании врачей. Не хотелось верить, что человек в двадцать два года будет побежден болезнью.

Когда он мог еще ходить, мы часто бродили по улицам. Самым большим желанием Коле было в город посмотреть демонстрацию. Спиралась на костыли, медленно шел Николай.

— Впервые в своей жизни годовщину Октября встречено неорганизованно, — грустно сказал он.

Подходили к Мертвовой улице. Здесь колонна демонстрантов спорочивала на площадь. Над тысячами голов раскачивались знамена. Колонна молодежи допевала бодрую праздничную песню. Когда замолкли голоса, Николай не выдержал. Приостановился и звонким тенором закричал:

— Да здравствует девятая годовщина Октября! Да здравствует Ленинский комсомол! Ура!

— Ура-а-а! — дружно поддержали комсомольцы...

Чей-то молодой, сильный голос начал новую запевку...

Работа подвигали, и веселая песня поплыла над морем голов.

Я была поражена всем этим. Таким Колю я еще не видела.

Он стоял подтянутый, с горящими глазами, румянец слегка окрасил ще-

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

ки. Казалось, стоит ему отбросить костыли, и он окажется среди тех, к кому так равало сердце.

Но демонстрации прошли мимо. А Коля еще долго смотрел им вслед... Зима 1927 года законил Николая в постель. Не помогло пришли книги. За чтением проводил дни, а иногда и ночи. Когда же заболели глаза, пришлось на время отложить чтение. Дневной свет уснаивал боль. Но это было недолго... По его просьбе мы завязывали ему глаза темной косынкой, и позже приобрели очки с темными стеклами, садрились у злоголова и читали вслух.

Это было страшным ударом. Но по-прежнему он оставался чутким, внимательным, мягким. По-прежнему главным для него были книги... Их приносили стопками, читали, горячо спорили о прочитанном. Став писателем, Николай как-то сказал: — Этого не бывает раньше всего. Он живет в себе и для себя. Если покосарю его «я», то ему нечем жить. Но когда человек растворяется в общественности, то его нельзя убить морально, ведь для этого надо убить все окружающее, всю жизнь.

Вспоминается наша жизнь с ним в Москве в 1929 году. Мы приехали из Сочи писать Николаю главу. Было ясно: здоровья не вернуть. Но оставалась надежда на то, что удастся вернуть зрение. Николая положили в клинику 1-го МГУ. Я устроился на конскую фабрику работничка. Ежедневно после работы приходила к Николаю. Его очень интересовала жизнь фабрики, планы партийной организации, работа комсомола. Своими рассказами я отвлекала его от тяжелых мыслей.

Как-то в сообщала ему, что мастер цеха, где я работала, предложил своей бригаде объявить себя ударниками. Работать хорошо, по-ударному. Зарплату делить поровну.

— Ударниками вы должны стать,— ответил мне Николай.— А вот насчет зарплаты, мне кажется, не совсем верно. Я позже тебе скажу. Посоветуюсь.

Все так и стало. Мы объявили себя ударниками. А зарплата не была объявлена. Так незаметно Николай стал нашим первым советчиком в делах бригады.

Мы получили комнату в бывшем Мертвом переулке (сейчас переулок Николая Островского). В этой небольшой и сырой комнате он и начал писать роман «Как завязались стали». Я устроилась в работу. Коля оставался один и писал. То, что писал он сам, редактировал было очень трудно. Болезнь снижала активность, Николай lacked неподвижно на спине. Двигались только руки до локтей. И вот в таком положении, слепой, он писал. По вечерам я переписывала странички, прочитывала вслух. Многие не читали Николаю, много вычеркивалось... Не было литературного опыта. Он работал и ночью, когда в доме на-

ступала тишина. Каждую страничку нумеровал, сбрасывая на пол. Утром мы собирали листы, складывали в папку, а вечером, после работы, переписывали.

Боль в руках стала сильней. Больше он не мог сам писать. Он начал диктовать. Мне много приходилось писать под его диктовку—после работы. Засиживались за полночь. Дела наши шли медленно...

После друга лет напряженного труда пришла победа—книга вышла в свет.

1935 год. Николай жил в Сочи с матерью и сестрой. Я осталась в Москве, работала и занималась на ФОНЕ (факультет особого назначения). Готовилась в высшее учебное заведение—Проммакадемию.

Николай хотел, чтобы я училась. — Было время, когда ты работала, а я учился. Сейчас я работаю, ты можешь пойти учиться слепой.

Его радовало всякое мое продвижение вперед.

— Если жена будет отставать от мужа,—говорил он,— брак будет неравным. А неравный брак разрушает основу счастья: дружбу и взаимное уважение.

Вообще он очень строго относился к семейной жизни. Он говорил, что в семье должны превозрастать не только на работе, но и в семье. Коммунистическая семья должна основываться на любви, дружбе, доверии, уважении друг к другу, совместной духовности, рост укрепляет ее.

Двадцать четвертого ноября 1935 года произошло большое событие в жизни Николая Алексеевича. Член правительства Григорий Иванович Петровский приехал в Сочи для вручения Острогомского ордена Ленина.

По просьбе Николая мама отпустила с работы. Я тоже приехала в Сочи. Мама поразилась торжеству, устроенное по этому поводу. Город Сочи—город цветов. Но в этот день все Ореховая улица до самого дома, где жил Николай, была урчаще гириданью из зелени и цветов.

Приехали много делегаций от различных комсомольских организаций. Николай лежал радостно-взволнованный, улыбающийся... Он был страшно утомлен всеми этим, но в то же время это подбадривало его, вливало новые силы.

Он собирался сразу после этого торжества ехать в Москву для изучения материала к новому роману—«Рожденные бурей», для продолжения работы над романом.

Обеспокоенная болезнью Николая, Ольга Осиповна, мать Острогомского, сказала мне:

— Враны говорят, что Коле ехать в Москву нельзя. Надо задержать его на несколько дней, и он сам поймет, что ехать не сможет. Мне его удерживать не можем. Придумай что-нибудь ты.

Не следующий день в мою прописку такой разговор с Колей:

— Коля, я очень устала, хочу немного отдохнуть, остаться в Сочи. Николай отнесся сочувственно:

— Конечно, отдохнуй надо. Теперь есть эта возможность. Где хочешь отдохнуть, дома или в санатории!

— Мне все равно.

— Хорошо. Равно сама, где.

А затем с лукавой, озорной улыбкой сказал:

— А в Москву я все-таки поеду. Эх вы, дипломаты. Ничего у вас не выйдет. Тут маumus все подкапывалась, а теперь тебя научили... Так наш план и провалился. Удерживать Николая в Сочи не удалось. Перед отъездом Григорий Иванович Петровский Николай решил устроить небольшой банкет дома, у себя в комнате. Соборались комсомольцы, родные и Григорий Иванович с женой Доминикой Федоровной.

Николай, как всегда, на кровати. В руках неизменная папачка, на конце которой привязана салфетка. При походе папачки он вытирал пот со лба, поправлял подушку.

— Как собралась гости и весели с собой, Николай обратился к соседу с комсомольцами:

— Скажите, ребята, ехать мне в Москву?

Комсомольцы не ожидали этого. Многие растерялись. Не зная, как ответить, переглядывались. Наконец сказали: нет, лучше не надо, зачем рисковать!

Лицо Николая потускло. Он даже рассердился. Нервно заработали пальцы. Ясно, не такого ответа он ждал.

Тогда он обратился к Григорию Ивановичу.

— Конечно, не надо рисковать. Мы тебе пришлем нужную литературу. Будешь здесь работать.

И мнение Петровского не удовлетворило Николая.

После небольшой паузы он задал этот вопрос Доминике Федоровне.

Она долго не колебалась:

— Пожелай сынок, раз тебе так хочется—пожай.

Это было достаточно. Засили невдачные слова, появилась на лице радостная улыбка, нервно заходила в руках папачка. И уже совсем озорно снова обратился к комсомольцам:

— Ну, как вы теперь?

Тут уж и комсомольцы сдались. Сразу стало весело. Заговорили все. А Николай лежал улыбающийся и радостный.

После этого разрешения ни в дорогу в Москву. Поселился в доме № 40, теперь № 14, по улице Горького. Работал очень напряженно.

— Надо спешить жить,—говорил он.— Ведь всякая нечеловеческая случайность может оборвать жизнь.

В это время у него было много секретарей. Один постоянный, на зарплату, остальные добровольные. Это—родные, друзья.

Работы стало много. Все мы менялись, отходили, один Николай был

бессмысленным. И чем больше он работал, чем продуктивнее проходил день, тем лучше у него было настроение.

Име много тогда приходилось писать под диктовку. Но однажды вечером он попросил меня кое-что записать. Я села. Это было в 5—6 часов вечера. Окончив писать на следующий день утром. Вся ночь буквально без перекура он диктовал. Я еле-еле успевала за ним. Так была написана последняя глава романа «Рожденные бурей». Тогда она была восьмой. Позже он ее нумеровал двенадцатой.

Как-то вечером в комнате Николая собралась дружка, родные, писатели. В конце астры прочитали только что написанную главу. Все внимательно слушали. Ольга Осиповна стояла, облокотилась на спинку кровати. Когда прочитали последний эпизод книги—об оборону комсомольцев в огоничном домике,—Ольга Осиповна с волнением обратилась к сыну:

— Значит же ты, Коля, поставил в такое трудное положение неспустимую молодежь? Ведь они погибнут; они молодые, должны жить...

Николай улыбнулся и сказал:

— Конечно, маumus не волнуйся. В последующих главах я ни выведу из этого положения. Но я должен сказать вам, товарищи, что на протяжении всего романа мои комсомольцы пройдут по одну суровую школу борьбы. Некоторые из них погибнут. Но те, что останутся в живых, выйдут закаленными бойцами.

К кровати Николая был проведен электрический звонок. Он вызывал нас по условным звонкам. А когда хотел, чтобы к нему шли все, кто находился в квартире, он давал частые звонки. Мы называли их «тревогой».

Эта «тревога» особенно часто звучала в часах отдыха. Николай приглашал к себе:

— Давайте отдыхать вместе,—говорил он.

Секретаря А. А. Зыбина садилась за пишину, пела. Иногда подпевала и Николай. Он любил петь, часто был запевалой в хороших песнях.

Закончить свой рассказ о Николае мне хочется его же словами, сказанными им в последнюю ночь своей жизни, когда я была рядом с ним.

— Если жизнь удерит вас в грудь—не отступайте. Вспомните, как меня жизнь билла и хотела выростить из строя. А я не сдаюсь. Сделайте этому—мой крик.

Мне хочется пожелать молодежи: не забывайте его слова: «Самое дорогое в жизни—быть бойцом, а не плестись сзади. Поэтому я пламенно призываю молодежь нашей прекрасной страны всегда быть в первых рядах наших бойцов».

Р. ОСТРОВСКАЯ

Август, 1964 год. г. Москва.

ассажирский поезд «Свердловск — Индаль» место остановки по рельсам, точно радвался вместе с мастером Сашей Прыжниковым законному отпуску на целый месяц, ежедневной горячей ванне, домашним борщам — вообще всяким таким радостям, какие бывают только дома и втроее желанным после тайги и стужи, после года кочевой и неутоленной жизни.

Саша лежал на верхней полке и косил глазами в окно: на горы, то подступавшие к самому поезду желваками догори, то ускользающие и горизонту, на сосны, обвисшие под снегом, на маленькие изабские селения под тесовыми крышами и затейливыми ажурными трубами. На западе параллельно поезду скользило яркое солнце и посвечивало склоны деревьев, как огонек электросварки.

За плечами был трудный год, была трасса Индаль-Обская железной дороги, были телечка и мужественные поступки. Телечка — это когда Саша под Деня Конституции признался Иде в любви, и мужественные — когда он первым основывал новый прообразный пункт и всю ночь при свете лампы «ос»-а и в утру нащел ее, обгорев. За плечами: один на руке и один на ноге.

Впрочем, когда Ида в начале февраля уезжала в Свердловск в командировку, он ей сказал, что все тогда было несерьезно и пусть она себе не думает. Он и действительно не собирался влюбляться в эту Иду, в эту гордочку с лицом киноактрисы, и объяснял ей тогда исключительно из двоякования. Просто сидят они последние метры насыпи на старом участке, получили премию и два дня отгула, и надо же было куда-нибудь себя занять.

Ида была старше его на четыре года, она приехала на трассу после института, после МИИТа. А Саша окончил техникум. И странно ему было наблюдать на первых порах, как это человек, хоть и с высшим образованием, но без опыта, может хорошо и толково разбираться в таких практических делах, которые к нему, технику, бывают подчас нелегки. Потом он перестал удивляться и как-то незаметно для себя упустил первенство. Ида и к своей подруге Галине относилась, как старший и младшему, и они оба нередко совмещались с нею. В конце концов Саша уже почти смирился с таким положением. И когда Иду отравили в Свердловск, то Саша опять не удивился, что начальник отправил Иду, хотя самодой его и было заведено. Для вида он поделу на начальника несколько дней, но в глубине души был согласен с ним. Он понимал: Ида сумеет добиться боль-

шего в этом деле, речь идет об интересах колонии, и нечего тут дуться. Ида красивая, ушел от себя, а улыбка хитрой женщины, что-нибудь да значат, в конце концов. А нужным были «МАЗы» позарез, колонна просто захламлялась от недостатка этих машин. Приславаемые «газовки» чахли на местных дорогах, и вообще эти «газовки» были для наших мест не машины. Саша страдал душевной мукой от одного их жалкого вида.

Все-таки они тянули трассу и, самое непонятное, в последнем квартале впервые выполнили план, даже с превышением на пять процентов. Кому — маме, а Саша знал, чего это стоило. «И вот сидят же люди в комитете по транспортному строительству», — размышлял он, — погоню по городам ведем, а нам присылают эти «газовки»! Много раз собирался он написать кому следует, даже начинать писать.

Ида выслушала его, и писало так и осталось недопианным и неотправленным. Но Саша знал, что все равно рано или поздно напишет такое письмо, и скромной теплотой от железной клетки, засыпав над столом, прямо в ватнике, уткнув лицо в кулак. И тогда силится ему великодушные зеленые веждочки, обутые в черные лаковые сапожки. Они шли и шли, серыми и тодичноще, насквозь новенькие, и Саша улыбался, просто таял от одного их вида. Потом Галина будила его, аставляла умиляться и спать по-человечески. Саша покорно, как маленький, слушался и сонно думал о том, что ничто так не облагораживает человека, как общение с женским полом. К Галине он отнеслся, как брат, в где можно незаметно подмянуть ее. Вот Ида была сильная, в помощи его не нуждалась, и он иногда сожалел об этом.

Ида, Ида... Что-то такое все-таки цемило в нем при ее имени. Ухала месяц назад и как в воду канула. Ни слуху ни духу. Галина ей письма пишет и не знает, куда насылать. Ни адреса, ничего...

Саша, поевшая на полке и надышав наудобное положение, подумал, что первым делом надо будет пойти Иду. И узнав, выбила она на машинку или нет, и если выбила, то сколько, когда получила, писалка Галины вперед. Ухаживать он не кормил, да и только немножко друг дружке написать: ахачки разные, охоньки. Саша потянулся к пишдаку, нацупал в кармане Галины письма. Уж эти женщички!

Вдобавок было о нем порасказать за этот февраль. Например, объявил новый прообразный, третий по счету. Проморгали мужские обязанности — горел вагончик от печки, едва успели вытащить из него теодолит. Сергей Постников убил медведя — эки весь месяц до топчанки. Климченко выдал рекорд: две тысячи кубов за смеху. И много чего другого.

Саша повспоминал еще, но на ум почему-то шли разные отвлекающие мысли, и он слез с полки и отправил в соседние купе типистку ровнато взглянуть какому-то девочку. Он ее уже часов шест не гипнотизировал.

...Когда устроил Прыжников приехал в Свердловск и очутился на привокзальной площадке, он как-то растерялся с непривычки, сбился с ног и отправил в соседние купе типистку такси. Водитель попался в дохе и много не разговаривал. Они ездил по городу взад и вперед, и Саша толкало ида и бормотал: «Гм смелый, Гм смелый, чепе, конвоировали... Проезжали мимо одного дома, шофер скавал хмуру, с мамом: —

А вот тут, между прочим, выгрезиватель. — Скасбед, — скавал Саша, жестоко обидевшись. — Стой. Приехали.

— А тут баня, — снисходительно сообщил шофер. Он остановил «Победу» и, получив деньги, обормил в третий раз, примирительно:

— Ты бы и скавал сразу: ядл Кости, не надо и баню. Столько времени зааря гонит. Беслолоха!

Саша посмотрел на него с суровым презрением, вскинул за плечи свой рюкзак и молча пошел в баню. Он и сам в нее хотел, но как-то неосознанно. У него даже дух захватало от предвкушения горячей воды.

М да Галина уже месяц, почти весь февраль, жила в Свердловске в гостинице и теперь ждала комнату, которую ей обещали в совхозархе. От гостиничной жизни у нее постепенно было чужденное состояние, неприятное чувство неопределенности и неуверенности. Неясно было и с переводом в конструкторское бюро: кто-то где-то был против, а Семен Иванович, несмотря на все старания, ничего не мог поделать, чтобы подвинуть ее утверждение. Впрочем, о переводе Ида тревожилась меньше всего. Она уже отыкала от мысли, что придется возвращаться в колонию: в тресте ей занитересовались, и НИИ тоже, и равно или только формально, а в колонии же нет. Но вот невозможность без проведения выйти за свою работу о пределах прочности торпеды настроение. Кроме того, вислое еще не выполненное задание ее беспокоило и даже раздражало. И хотя Ида для себя решила, что дело это глупое и начальники — всего лишь наивный отщипают, что такие дела ренаются не было, все-таки последнюю неделю только тем и была занята, что обалыва пороги в надложках станций и один «МАЗ», кажется, выхлопотать сумела.

О колонии думалось ей теперь мало, все это осталось позади, даже не верилось, что она, без пяти минут сотрудница института, еще месяц назад выписывала наряды в маленьком конторском вагончике, на пропитанном музтовом столе, бегала на лыжах по тайге, вызерала трассу. Где-то там оставил Галина и этот смешной Прыжников, слабую обманувшийся ей в любви. Они были славные ребята, трудачи, они были на своем месте, и Ида думала о них телло и снисходительно. У нее была другая дорога, другая будущая, и те расчеты, над которыми они горели, тогда и в пору строительства, они не были просто детской забавой. Она сейчас сама себе удивлялась, думая о том, что же после блестящей защиты дипломного проекта только ее помекат на эту стройку, когда были возможности сто раз остаться в Москве и заняться серьезной, по-настоящему научной работой.

По складу ума, по технической зрелованности Ида считала себя не эксплуатационником, как Галина или Прыжников, она считала себя конструктором. Это ее качество, казалось, Ида никак не соответствовало характеру работы в колонии. С самого первого дня ей стало ясно, что долго тут она не проработет. Но железная самодисциплина и волю выработавшие еще со школьной скамьи, позволили ей сразу занять определенное и уважаемое место. Вот почему она без труда справлялась со своими обязанностями старшего мастера и выполняла их грамотно, даже скрупулезно. Она была справедлива к рабочим, но и непреклонна, когда какой-нибудь Горланов или Петров намекал занять наряд не на 200 кубов, а, скажем, на 250. В такие минуты Галина и Петров не слышали от нее никакого горячего слова, как это бывало у других мастеров, просто уходили тихо, не оглядываясь, унося обиду и сознание ее правоты.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания первый
Выходит два раза в месяц

(896)

СЕНТЯБРЬ
1964

СТАРТ

Если честно, — вместо того, чтобы сидеть за столом и готовить материал об Олимпиаде, я поехал во Внуково провонать знакомых.

С веранды нового здания аэровокзала открывалась панорама летного поля с укороченным и горизонту стрелами бетонных полос и с десятками самолетов, построенных словно по рампажу: слева — те, что поменьше, справа — гиганты «ТУ-114».

Но сегодня самолеты меня не занимали. Мыслим я был в Токио. Наверное, поэтому мне показалось, что в один из самолетов погрузили завернутую в чехол лодку-сиф. Момет, это Багам олимпийские?

Оказалось, то вовсе была не лодка. Багам олимпийской сборной предлагалось грузить лишь через несколько дней. Мне было интересно узнать, что это за Багам. Я представлял, что, зайдя в пангауз, увижу огромные сети с упругими, звонкими мячами, зачехленные копыя и еще мячи — на сей раз — стальные, легиоатлетические лара.

Дорога до пангауза — километр с лишним. Шаги туда, я думал о предстоящей Олимпиаде. Думал о том, что вообще-то «протозои» — штука невероятная, но все же, пересчитав очки и вспоминая о секундах, метрах и миллиграммах, можно сделать вывод: у Ири-

Бор. СЕМЕНОВ

Фото А. БОЧНИНА и В. ТЮКЛЕЯ

38 000 000—

ТАКОВА АРМИЯ СОВЕТСКИХ
ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ
ЧЕРЕЗ ГОД ОНА ВЫРАСТЕТ
ДО 50 000 000

В советском спорте

5 000 000

общественных
тренеров,
инструкторов,
судей

30

спортсменов-разрядников
готовит каждый коллектив
физкультуры

**В СТРАНЕ
СООРУЖЕНО
21 765
КРУПНЫХ
СТАДИОНОВ
И
КОМПЛЕКСНЫХ
СПОРТИВНЫХ
ПЛОЩАДОК**

ны Пресс шансов больше, чем у Нарины Бальберг, а у Валерии Врулева пока нет равных соперников. Но я был лишен возможности вспомнить, почему что просто не знал возможностей спонса Ото или, скажем, полка Черненко. И, конечно, не помню ни сценария Ирины Пресс, ни метров ее знаменитой сестры, ни импресарио Александра Курниова.

Мне мало по летнему полу шла группа иностранных туристов. Полный господин, явно выучивший только пару русских слов, сказал: «До свидания». Я улыбнулся, хотя господин мне не понравился. У него был вид преуспевающего коммерсанта, но в моем воображении он обернулся в форму спортивного судьи, который будет бесцеремонно засуживать наших, и потому его надо «отправить на вылет». Мысли завертелись вокруг американской сборной. Вспомнилось, что там в университетах и колледжах спорт и вправду поставлен здорово. И еще: «Наша команда в Токио будет сильной, как никогда». Это говорил летом какой-то знаменитый американский тренер.

Полный господин уже поднимался по самотетному трапу. А мы выиграли — крикнул я. Абсолютно не поняв, о чем идет речь, он заинавал: — Да, да.

Почему я выкрикнул эту фразу? И почему с той самой интонацией, будто твердо знал секрет победы наших олимпийцев? И вообще есть ли такой секрет?

Олимпийский багаж был сломен в «своем» углу, вдаль от здоравливающих «чеховских, пестрых ридинголей, «авосек» с ручками, перевязанными веревочками, и огромной клячки с красавцем попугаем. Багаж или багаж. И мячи, и дядь, и копы, и шесты... «А вот любимыи сувениры», — сказала девушка, что «завоевала» в пакугау «спортивные» углы. Она взяла в руки крошечный личинок: «Там корочки на бархатной подкладке и медали. Из треста «Ялтастрой». Лицо мое, видимо, выразило нестерпимое удивление: Олимпиада в Токио и ялтинский строительный трест — не слишком ли абстрагированная параллель? А девушка продолжала: «Олимпийский год не только для олимпийцев». Это вы знаете? Вот в Ялте и устроили свою олимпиаду. По всем правилам. Потом решили: пусть крымская медаль поедет в Токио. Тот из советских спортсменов, кто первым завоеует в Японии звание чемпиона, получит сразу две медали — олимпийскую и эту, ялтинскую».

Иаль, что я давно не был в Ялте

Моросит сегодня с самого утра. И вчера моросило. Может быть, и завтра будет дождь. И еще несколько дней. Потому что уже осень. А осенью в нашем городе всегда много дождей.

Я стою у окна. Отсюда сверху виден весь наш квартал. Он не очень большой. Домов восемь. Если бы меня спросили, чем он отличается от других кварталов нашего города или других городов, я бы, пожалуй, не ответил. Наверное, дома как дома. Самое в них примечательное то, что они какие-то очень свежие. Особенно если нет тум. Тогда в окнах много солнечных бликов. И кажется, что дома улыбаются.

Город весь из таких кварталов. И все-таки наш мне кажется лучшим. Потому, что он на самой окраине и прямо из окна можно пожимать лапы высоким соснам. А может, потому, что по утрам его обволакивает туман, который пригоняет ветры с сопки, расклевнувшись совсем рядом, и тогда он кажется прозрачным и задумчивым.

А эта лента асфальта, уходящая в сопки, к заводу? Она лучше смотрится в дождь: блестящая, как лоскут фольги.

И еще вертолет... В один и те же часы пролетает он над нашими крышами. Он перевозит пассажиров на большой взростом за сопками. Там садятся белые лайнеры. Интересно, как выглядит наш квартал сверху? Я никогда не летал на вертолете. Вот он повис над самыми крышами. Значит, уже семь часов. Значит, сейчас начнет просыпаться квартал.

Одна за другой раскрываются двери подъездов. Все устремляется к «Гастроному». Нет, не за покупками. Просто у «гастронома» остановка автобуса. В семьдесят первый рейс на завод.

Все расписано по минутам. Дом напротив. Подъезд, распахнутая дверь. Худой человек в падею, застегнутом на все пуговицы. Сейчас на втором этаже откроется окно и вылетит из него заспанная девочка. Это повторится каждое утро. Вот, пожалуй-ста.

— Папа!
Ну, конечно, папа и сегодня забыл завтрак. Секунда — и девочка на завтрак. Это Нада Зорина, моя лучшая ученица. В руках у нее завтрак, завернутый в газету. Отец треплет ее по щеке.

Дождь моросит реже, квартал становится оживленнее. К подъезду рядом с Надиным домом выкатил свою «Болгу» Виленев, инженер с завода. Что он говорит, в собственный автомобиль в двадцать пять лет — это не очень здорово. Лицо Виленева — сплошное самоуверение. А как играет ключиком от машины!

Обиднее всего, что Виленев — сосед моего ученика Альки Шешивева. Вот Алька выскочил на балкон, и это ему машет рукой Виленев.

Смешно, но всех жителей квартала я воспринимаю только как родителей, знакомых или друзей моих учеников.

Виленев олько развернул машину, будто оставил ростись на тротуаре, и укатил. И тут же из подъезда высматривают мои ученики, три пыжистых воробья: Ромка Подкрючкин, Витяка Сверчков, Лешка Дожкин. Так, разумеется, в классном журнале. А вообще просто Крючок, Сверчок и Дожка. Опять о чем-то спорят. Это их обычное утреннее состояние. Наверное, комментируют последнюю футбольную игру. Удивительно, до чего же за-

И. БОГУСЛАВСКИЙ

РАССКАЗ

ОСЕНЬЮ В НАШЕМ КВАРТАЛЕ

Рисунок В. ЮДИНА

острени их носы! Как зубья в трещинке. Спор прерывает Аялька Спешнева — из футбольных делов непрекаемый авторитет.

— У дома над Лизинкой комната оставалась.

— Раз! — гвалт в рот.

— Два! — Ладный свист.

— Три! — чуд.-свист.

— Четыре! — Нада Зорина в окно.

Пять! — Нада Зорина на тротуаре.

Считая Аялька Спешнева Крокоди. Свечок и Дрова, считает все. Можно подумать, что они не видели целую вечность. А вчера блястят сорвали мне урок. Обидно. Все noch уны наизусть Пушкина. Дума, будет слушать как зарожения. Ничего подобного. Трудно был начинающим.

Патэфон — особая вещь. Три жылхасты воробья скрылся где-то в проеме дома. Наад и Аялька идут вместе. Наад пытается пройти по ребру низкой чугунной ограды. Разумеется, это трудно. Нужна рыцарская поддержка. И потому Наадина рука в руке Аялька. Наад напевает какую-то песенку, состоящую из одних «ааааа...». Для нее и для Аяльки «ааааа» означает, что вы куда-то топоришься, пусть себе моросит дождик, и вообще все очень здорово.

Наад и Аялька, без сомнения, дружат. Их дружба меня немного смущает. Потому что Аялька... В общем, он все время срывает мне уроки.

На тротуаре появились маленькие Лешка Пестров, сын нашего директора. Он мчится на самокате, он трубит в ладочку, предупреждая невидимых пешеходов о возможной катастрофе. Что ни говори, а самокат — его ахилл конь. Заезжаясь — бултых весь убит брызгами дождевых луж.

Выезд Лешки Пестрова — верный признак, что времени у меня остается какал-нибудь кроха. Скорее убрать постель — всего лишь расправить одеяло и зашнуровать два раза по подушке. Тоник Пушкина на книжную полку, тетради в стопку — на столе порядок. Я в восторге, что все так просто.

Но наад еще и повсть. Я пытаюсь науть в стакан кефир. Стакан падает, разлетается. Конечно, свешка. Тогда я пью прямо из бутылки. Нет, это не завтрак. Это стоматрога.

Я смотрю в зеркало и вижу лицо совсем неуверенного в себе человека авадати двух лет. Я всегда такой перед уроками. Когда я перестаю их бояться!

Как будто все готово. Можно идти. И тут я вспоминаю, что забыл самое главное — патэфон. Я достаю его из-под кровати. Патэфон — особая ценность. Старейший, с потертой крышечкой, обшивающийся боками. Что-то вроде семейной реликвии. На внутренней стенке, там, где обложка красуется марка завода, выгравирована надпись: «Гдебу от бабушки».

Затем я наделваю каалоши, потому что дождь. Говорят, каалоши не моют. Чепуха. Не в этом суть.

Итак, теперь все. Пугай аету винз. Большие часы на углу квартала показывают без пяти восемь. Я иду прямо через лужу. Каалоши слетают. Гастух сбрас куд-то набок, шлепа — на зыдачок. Поправить невозможн. Руки в меня занаты. В одной — патэфон, в другой — тетради, под мышкой — пластинки. Если есть у меня самое заветное желание, так это встретиться со своим учениками.

Получается, надо обойти школьную лестницу и пробежать мимо Аялька и Нади. Им что, им можно и опоздать. Тем более к новенькому. Для них я еще новенький. Хотя правда уже почти целая четверть. Когда же я перестану быть новеньким? Проклятый вопрос! Мне сейчас совсем не до него. Надо скорее в учительскую, привести себя в надлежащий вид. И тут я слышу:

— Скифф приволако...

Это, конечно, слова Аялька. И я знаю, что «скифф» называют меня. Обидно, но я не обречаюсь. Видеть, как смеется Аялька, как улыбается Нада — что же в этом приятного?

На уроке я раздаю классные сочинения на тему «Чем нам дорог Пушкин?». Стопка тетрадей, как слоеный пирог, становится все толще и толще. Я читаю из сочинения Нади Зорной:

Твой среди воинственного гула
Я проносил
В тревоге и бою
«Твой, твой!» — мне пела Мариула
Вдоль кустов
В поинутых шарах...

— У вас хорошее знание, Зорина, Багрийрич — это настоящая преместественность.

Я вижу, как Надино лицо заливается краской. В институте меня учили правильно резюмировать сочинения. Коротко и точно. Я перехожу на официальный тон.

— Рассад усвоен, много хороших примеров, тема раскрыта. Стало ясно.

К Надиной парте летит записка. Ковечко, Аялька. Так, прямо на глаза у педагога. Я воспринимаю это как вызов. Записка у меня в руках. В ней всего несколько слов: «Приветствую тебя, принцесса!» И подпись: «Стефаноский рыцарь Дон-Алякос».

Я смотрю на Аяльку и чувствую, что ему сейчас совершенно безразлично, в классе я или нет. Это меня бесит. Я вспоминаю кличку Скифф и становлюсь жестоким:

— Спешнева, меня возмущают то, что вы написали в своем сочинении: «Пушкин — величайший патриот». Его стихи, как крышечка засушенных лепестки в альбоме... Век электоризма — поэзия трифф. Агрессивные извращения — анахронизм...» Откуда вы взяли такие физик.-лирик, Спешнева? Непутя какая-то. Кто вас научил этому?

— Аялька опускает голову. Ему немного стыдно. Постому он улыбается. Неудобно как-то, растерянно, но улыбается. Я терплю чувство юмора.

— Скажите, — произношу я почти угрожающе, — вы так ничего и не принесли в Пушкин?

Почему же... не поднимая головы, улыбается Аялька, — вот это: «Чем меньше женщины мы любим, тем легче чувствуем мы себя».

В классе взрыв смеха. Аялька победно смотрит в сторону Нади. Ему некогда поддержку принесть. И незамедлительно посприятельная наклон головы.

Много опыта достаточно, чтобы определить точно: угроза не получила. Алякос-Дон-Алякос, что алал, засмеялся с юности, нимп, попутить, соснуть, наконец? Нет, теперь уже поздно. Не до шуток. Я говорю рассерженно и категорически:

— Резюмирую, Спешнева, — двойка.

— Алякос так охотно...
Класс наелектризован. Достаточно еще одной искры, и тогда... Искру зажег Ромка Подкрочкин.

— Глеб Михайлович, — обращается он ко мне с совершенно безобидным вопросом, — а для чего эта принадлежность на столе? — Ромкин жадно кист на патэфон.

— Обсуждают геоид-сарматской культуры, побережье, бросает Аялька. За партами смехи, как рассыпанный бисер. У меня каалоши взорвались. Но я пересиливаю смех, смотрю Ромке в глаза и говорю как само собою разумеющееся:

— Будет музыка. Не сегодня, на следующем уроке.

— У, музыка! Здорово! — эхидно замечает кто-то на заднем парте. На первом. На первом.

— Здорово, здорово! — восклицают сразу несколько парт. Я снова хочу взорваться и тогда покидаю класс. Видно, у меня железные нервы...

Школьное крыльцо блястит. Дождь перестал, и воссю светит солнце. Я подумаю, какая неадекватность — каалоши. Ну что, мне их терпеть под мышку брать? А куда пластинки? Я спускаюсь с лестницы. Одна каалоша со скользящей. Пола я поправляю все, выскалываю пластинка и разбираюсь. Я подминаю осколки. Ария Бориса. Удивительный день, неприятный, за неприятностью. Теперь беги в музыкальный класс за новой пластинкой.

Музыкальный класс — чудо нашего квартала. Московские новинки появляются в нем приблизительно один раз в год. Но зато, когда они появляются, квартал становится не по себе. У классика выстраиваются очереди. Больше меня, продающихся. Люси снимает с вращающегося крутящую пластинку. Своими блыны со ступеньками. Люси выставляет. Это тоже работа Люси. В целях музыкальной пропаганды. Сначала из всех окон прислушиваются к шарующим звукам новой музыкальной гостиной. Потом гости начинают надоедать. Створки окон захлопываются: становится невыносимо. И все же через день новую песенку распевает весь квартал. Таков наш музыкальный класс.

Сейчас из унитаза несется совсем другая музыка. Ария Бориса. Я смотрю на медленно вращающую пластинку, а думаю совсем о другом. Это замечает и Люси. Не надо быть Вольфом Мессингом, чтобы прочесть в нем.

— Да, а думаю сейчас совсем о другом. О том, что я несобранный какой-то. Всегда все делало в спешке. Неудобнумно. Докладать: выключить записку. «Резюмирую — двойка...» Дикость! И верно, скифф. Что там говорить!

Я опускаю голову и вижу свои каалоши. А кругом музыка, кругом солнце. Я молю беру пластинку и ухожу. У классика остаются мои каалоши. Я чувствую, что начинаю постепенно освобождаться от груза скиффских пережитков.

Быстро темнеет. Зажигаются огни. Они бегут по этажам, как живые. Написаным друг друга. Но перестают забавлять то вино, то под самую крышечку. Обычно в подполз то это время у окна. Они разнятся, как дельфины. Над «гастрономом» неумоимо мерцает: «Покупайте рыбные палочки!» Смешно.

Трудно представить, что было бы со мной, если б не моя сила воли. Я снова сажусь за книги. Я обдумываю планы завтрашнего урка. Надо хорошо подготовиться. Так теперь будет всегда.

Завтра у меня снова Пушкин. Я пропозно ученикам Мельника, Годунова, Мазену. Главная вещь — музыка. Вот, пожалуйста, в методике так и сказано: «Музыка — важнейший компонент в процессе достижения учащимися литературных образов. Эстетический угол зрения...» Спасительная мысль! Конечно же, скорей их в тетради. Директор школы как-то удивительно рано посприятельная. И новенький и начинающий. На этот раз он будет доволен. Я пишу размышлю и жирно: «Важнейший компонент...», «Эстетический угол...».

Не знаю почему, но мне становится немного спокойнее. И тогда я решаю выйти на улицу, пройти по нашей аллее из кленов. Сейчас она пустяк чуть раньше я бы обязательно встретился со своим учениками. Это их любимое место. Здесь решаются все споры, промываются косточки ученикам. Мне почему-то кажется, что судьба всех моих сорванных уроков была предопределена именно здесь.

Обо всем этом просто не хочется думать. Я выпшел, чтобы подышать свежим воздухом. Но подыхаю. Алякин домик арко оседеши, и это невольно привлекает мое внимание. Тем более, что я вижу там Аяльку и трех пыхлящих воробьев. Я останавливаюсь, сажусь на скамью. В аллее темно, и меня не видно. До меня доносятся обрывки слова. Лешка Дока старается зевать все: па!

— Нет, а за что двойка? У человека свои взгляды...

— Володаски ты со своими взглядами!

— А что, — не унимается Дока, — законно!

Алька что-то шепчет мне на ухо. Это насчет меня. Я точно знаю. Педагогическая интуиция. Ребятка глотуч. Значит, принимаю единогласно. — Даровой! — всторгается Витька Свердлов.

— Ну вы, без жаргона, — довольно улыбается Аллька. — Придрос к скамье. Я хоту подняться и уйти, но не могу. Как космополит, чувствую перегрузку. И тут из-за угла, из темноты, вырывается «Вола». Скрипнула тормозная и застыла.

Вилена! Именно сейчас я начинаю догадываться, что во всем виноват Вилена. Аллька меть больше месца в командировке. Во всествие же гласит, как и прощественств в те тарихи лусты. Это из курса педагогика. Вилена — вот в чужой мой эаментарный просчет.

— Привет, мичурин! — Вилена улыбається и хлопает аверейца машины.

Ребятка застыла восторженном молчании. Пожарт хоту Виленау — высылка напарва. Три пажыстятя норабы завистливо сморкут на Аллька. Счылсталич! Вилена с ним как с равным. Положи руку на плечо, по-чаштигу.

— Я к тебе по делу, — важно говорит Аллька.

— По делу? — срывається Вилена. — Пешпал!

И они скармыса в подвале. Я терпюся в догадках: какое дело у Алльки?

Потом мне все стало известно... Все было так.

В комнате у Виленава темно. Зелеными огнями сверкает человеческий череп. Подсвеченные зубы излучают фосфорический блеск. Аллька прилежительно к стене: жутко. Виленав вклячет себя. Череп лежит на столе среди множества винтичей, проволок, кровяных гекс. И совсем они не страшны. Мелавичий, интуичный, во воска. Забытый дав тонких проводов соединяют его с портативным магнитофоном. Крутятся маленькие бобины. Ритмические звуки запоевают комнату.

У Аллька горят глаза. Это как раз то, ради чего он пришел к своему соседу.

— Здорово, Вилена!

— Вилена улыбається:

— Без дураков, да? Электроника — путь прогресса!

— Ну, насчет электроники относительно... — проваляет осведомленность Аллька.

— Все в жизни относительно. Запомни, мужчина.

— Ясно, — кивает Аллька. А в голове все-таки вопрос: «Что же он за человек — правый или левый?»

Мигает череп, крутятся бобины. «Ча-ча-ча, ча-ча-ча», — поет магнитофонная лента. В глазах у Алльки ослепение.

— Вилена, а можно зять электронику на урок?

— Это зачем на урок?

— Ну так, для юмора...

— Вилена выливается смехом:

— Можно. Вряд.

«Правильный мужчина!» — делает вывод Аллька.

В шестьдесят лет так немного надо, чтобы забылись печали вроде двойки Аллька августу.

— Аллька кухня унылым зрелищем. Банка из-под консервов, гора немых тарелок, чашек, яичная скорлупа. Кофейник пуст. Кусок хлеба. Неуксус. Неуютно. Мамы нет дома. Журнал. Свежая почта, не успев просмотреть. На обложке илюа, чем-то напоминающая Надина.

Послушать придется. Как это тишеет пот?

— Аллька! Пусть себе гнут, врут расщепленно. С ними и пять минут, с тобой вечность... — Аллька читает стихи слова с тетради и горкой учебников, торшеру у такты, телефону. Аллька снимает трубку. Медленные повороты диска.

— Привет, принцесса...

— Ну, чего тебе?

Аллька молчит. Соображает: может, пригласить в кино? А потом побродит по алле. «Ты — вострытые моря, мысли тайные. Ты — дорога мой, дальняя, дальняя».

— Аллька, ну чего ты молчишь?

— Я хота спросить, что нам задано по алгебре.

— Дурак, разве нужно для этого так долго думать?

Перегрузки я перешила не сразу. Я долго сидела на скамье напротив Аллькиного подвала. Наконец двинулась к дому. Двух мьса не дает мне покой: «Почему я до сих пор откровенно, по-мужски не поговорила с Алלקой?» И тут же успокаиваю себя. Еще не все потеряно. Завтра. Серьезный разговор будет завтра. Я постарюсь повлиять на Аллька.

Эх, знать бы, что будет завтра, как пройдет урок, мой разговор с Алלקой.

Завтрашний забота... Они так и остаются загадками синфика.

«Так это же хорошо — забота и загадки, — успокаиваю я сам себя, — потому что иначе было бы скучно жить...»

Утром следующего дня я стою у раскрытой двери класса и пропускаю опаздывающих учеников. В руках у меня патефон. Он притягивает к себе взгляды, как магнит. Суматоха в дверях похожа на столотворение. Мелькает, чем выволоское, но большее, чем предсказанное школьным расписанием. Прини здесь определит не всегда просто. Я чувствую эту грань и переступаю порог класса.

Оказываеться, моему патефону присуде одно чудесное качество — умение не заводиться. Я кручу उसे всех сил руками. Чуждина поддается, но с самым опасным скрипом. Торшер не прерывает. Это еще один угол, о который я непременно должен стукнуться. Я сморю на класс и вижу, как с каждым скрипом катастрофически падает мое педагогическое влияние.

Я сморю на Аллька. Он — само внимание. Серьезный, строгий, дисциплинированный. Руки на парте. В глазах нетерпеливое ожидание: скорей

бы музыка. Он даже сочувствует мне. Это меня успокаивает, я стараюсь и многого не замечаю. Например, что Аллька подал знак Подкюркину, и тот воткнул в розетку штепсель от шнура. Шнур тянется по партам. Конспирация, конечно, липовая. Но ведь даже для того, чтобы увидеть сомнительно поведенч, надо было. Мои же забота — патефонный диск. Но Аллька обреченность к заданой парте, за которой сидит Надя, и показываеться большой палец: вот твой народ! Надя жавает головой: понятно. Я перехватываю взглядом этот немой разговор и, конечно, ничего не понимаю.

Наконец-то. Пружина пошла легко. Патефон завелся. Я кладу на диск пластинку Ария Бориса.

— Мы прослушаем сегодня несколько арий. Творчество поэта застраивает перед нами совершенно изумительные грании...

И так тишина. Усталоватая тишина. Я лустяко патефонный диск. Но это что? С первыми оборотами пластинки раздаются совсем другие звуки: «Ча-ча-ча, ча-ча-ча...» Я почти набрасываюсь на патефон: неужели ошиба! Нет, точно, Ария Бориса.

Мени прошибает холодный пот: началось! Аллька запел «Ча-ча-ча» уже задолго встает. Он знает, что так поступают кабачуки. «Ча-ча-ча, ча-ча-ча...» — это новая кубинская песенка. Вверх у музыкального киоска было столько народу! Все поютно. У кого-то в парте... Я бросаюсь к Витьке Свердлову. Его глаза! Они полны смеха. Он не может удержаться.

Я отрываюсь крышку парты Сверкурова. Пусто. А «ча-ча-ча» все громче и громче. Я обриваюсь и вижу, что Аллька сморит в сторону Нади.

— Здорово, да? — спрашивает Аллька.

— Протасилась! — восторг!

И вдруг «ча-ча-ча» оборвалось, как оплунувшая струна. Это потому, что я иду к парте Аллька Спешнева. Подкюркин, Свердлов, Докин скватились за головы. И только Аллька спохватился, подумавшись, и не такие аферы провалялись. Он встает, он знает, что и сейчас залезу в парту. На его лице презрение: давай, давай. Все правые люди, в том числе и педагог, не страдают отсутствием любвиотства.

Я отрываюсь назад. На меня сморит череп с зелеными огоньками. Аллька продолжает улыбається, будто фокусник-иллюзионист, у которого разгадали любую тайну.

Я говорю коротко и сдержанно:

— Выйдите, Спешнев.

Аллька продолжает улыбається.

— Это была только шутка.

— Пальцы у меня сжаты в кулаки. Я чувствую, косточки суставов побелели. Но я верю в свою нервную систему. Грози не беда.

— Выйдите, Спешнев, — повторяю я. Я знаю, сущес у меня неподходящие глаза и камое слово.

— А как же арии! — деланно недоумевает Аллька и подмигивает Наде Зорини.

За партами, как горох, рассыпались смехики и сразу смолкли. Смогла, потому что я подогнала Аллька у двери. Это должно было обозначить то, что Аллька «Выйдите!» Он стоя, лицом ко мне. Сделал шаг назад и споткнулся. Падал, Аллька перевернулся и угодил almost прямо в дверную ручку. Дело в том, что парта его стояла как раз наискосок от двери. А споткнулся он о провод, который питал огоньки череп.

Аллька не сдерживается. Он вырывается из-за головы. Аллька сила эаментарная аномальная шикша. Все никак оторвет Крючок, Сверкурова. Да, Надя и та утирает глаза. Коварство. Совсем недавно все они так восторжались его остроумной выдумкой.

Подокин, — бросает Аллька в сторону Ромки Подкюркина, Витьки Сверкурова и Лешки Докина.

Конечно, горох славывает обиды, и поэтому слова, обращенные ко мне, звучат еще более конфликтно.

— Запрещенный прием, Глеб Михайлович. Придется отвечать. — Дверь хлопнула, и Аллька рывалась, как привидение.

Тишина. Ей мог бы позавидовать самый опытный педагог. Но меня она сейчас не радует. Даже наоборот. Пусть бы они сейчас переговаривались, возмущались, говорили мне всякие гадости. Только не молчали.

Но в классе тишина. Я иду к учительскому столу. Отметано, громко скрипит полочка. Равные я никогда не замечала этого скрипа. Он как паразит на урде. Со стола на меня сморит раскрытая пасть патефона. В глаза ударяет надпись, выгравированная крупно и старательно: «Лебду от бабички».

«Лебду, бабичка», — думаю я и опускаю крышку патефона. Потом беру в руки череп и магнитофон. Тишина становится густой, как сумерки. Тридцать пар глаз сморит на меня. Тридцать пар глаз у ужасе: в моих руках такое вещественное доказательство — череп, магнитофон, и все это сейчас перекоцует в учительскую... Я сморю в тридцать пар глаз. Мне кажется, что и ввиду их все сразу, Тишина. Я молча кладу череп и магнитофон на стол и покидаю класс.

Кабинет директора. Зайти, рассказать? Дверь распахнулась, и Аллька Спешнев вылетел из нее возбужденный и успокоенный. Он увидел меня и сразу кивнул в алле.

Я сморю ему в глаза (скольким в них ненависти) и как будто слышу его голос, полный презрения и ехидства:

— Преклонился перед вашим педагогическим даром, уважаемый скиф. Кстати, Иван Леонтьевич тоже раздалает мое восхищение.

Я не проваляюсь в алле. Я не могу больше смореть ему в глаза. Я отворачиваюсь. В конце коридора весь мой класс. Мои ученики. Они все видят. Под их молчаливыми взглядами я иду по коридору. Наверное, именно так надо на шифот.

Учительский кабинет. Здорово все у меня получилось! Какой скандалный разговор состоялся у меня с Алלקой! Разве не о нем я так упоенно мечтала вчера вечером?

Я пытаюсь успокоить себя. Конечно, путь познания горек. Даже Руссо и другие великие... Нет, это не аргументы. Просто я бездарность, полное ничтожество... С теми я вваливалась в свой подвал.

В комнате мой взгляд падает на «методичку». На раскрытой странице полкрасивой строчке: «Музыка — важнейший компонент...»

Я захлопываю книгу и бросаю ее на кровать.
— Теперь надо написать заявление. Ведь о чем я думала по дороге домой, все от слова до слова ложится на бумагу. Я подхожу к окну. В небе рокошет вертолет. Завтра я лечу в аэропорт за вертолетом. Возьму на день вперед. Дни шлоше звонит, чтобы разослали мое заявление, обсудили на заседании мой анкетно-биографический постulat и вскрыли по первому числу. Все верно. Я даже не буду оправдываться. Мне только обидно: Алмак Спешнев... Представляю, как он сейчас торжествует! Потом на него будут показывать пальцем: благодаря ему из школы был изгнан пресловенный скряга.

Я хватаю со стола исписанный тетрадным листок и бегу в школу. По дороге мне попадаются все класс, потом — Нада, а потом за ней, шагая в двадцать, — Алмак. Странное дело. Почему порознь? И вообще, почему Алмак не в кругу амулюющей толпы? В сущности, правильные и нужные для меня слова. Но это надо знать, что было в классе после того, как я бесследно покинула школу?

...Когда я, согнутый и жалкий, иду по коридору, потеряв полное поражение в поединке с Алмаком, мне в голову не приходит обратиться назад, еще раз посмотреть на своих учеников. Мне хочется только: скорей убежать.

Я бреду, как вкопанный, у которого отняли само дорожное — честь. И не знаю, что класс, возоблавывший наш короткий разговор у кабинета директора, молчаливо утратил стенограмму поединка и вскрыли по первому числу.
— Нажаловался Шинка на абу — ценная ушка, да? Ты благодарен, как рыцарь? — говорит Нада.

Конечно, неприкрытый сарказм. В другой раз все бы засеялиса, а сейчас... Конечно, Нада подальше от меня и махнула рукой. Алмак идет по коридору. За ним все остальные. Вилька Сверчок пытается ткнуть его в спину. Нада останавливается его.

— Не связывайся, — слышит Алмак ее голос. Это звучит как приговор.

У школьной лестницы Алмак остается один. Все скрылись в аламе. Нада вернулась, проговорила скорговорной:

— Можешь звать своего Багридочко...

— Но почему? — с трудом выдвигается из себя Алмак.

Почему так бывает, что в самую трудную минуту люди перестают понимать друг друга? Особенно если им всего лишь предстоит встретиться. Нет, понимаю, но не знаю, как сказать об этом, и потому все делаю наоборот.

— Вот сейчас Нада бы остановилась. Она же знает, о чем ее просит Алмак. А как! Ведь это и есть самое трудное — остановиться. И потому она идет сюда, решительная и не может обернуться.

«Ты следи за стенограммой гума я прописала в тревогах и бох...» «Он так любит эти стихи», — думает Нада. «А почему же смалодушничал...»

— Может, вы просто не разоблачили.

— Ты поступила трусливо, как феяла.

— Это неправда. Я хотю, чтобы вы было весело. Особенно тебе. А потом не понимаю, как я потеряла рассудок. Это, конечно, подло. Но всеужде непорочно?

— Тебе было тяжело. Но то, что ты сделала, во сто крат хуже. Как это поправил, Алмак? Это же предательство... Неужели ты не можешь понять?

Нет, они так и не сказали всего этого друг другу. Просто они едут и молчат, мучительно думают.

— Ренатат, физкал. Я не хотю, чтобы вы обо мне так думали. Если бы ты обернулась хоть один раз... Но перд Алмакиным глазами только прямая тонкая Надиня синия. И волосы — ровные, длинные до плеч.

— Ну, обернись хоть один раз, принцесса! — это Алмак думает, а на всю улицу кричит совсем другое:

— Мне плавать, слышнннн, деревянная чурка, плавать, что вы обо мне думаете!

Это слышат все, обернулись все. Все, кроме Нады. Она подносит руки к лицу, и теперь синия ее не прямая. Нада опустила голову и, согнувшись, прислонилась к решетке. А Алмак срывается с места и мчитса. Может ли человек так быстро молотком. Ступеньки ступившая, как баранья лапа. Дверь квартиры Вилевена. Не останавливается. Не перевести дышанье.

— Можю?

Вилевен стоит у зеркала.

— Вот пришел... — мнется Алмак. А думает о другом: как же обо всем рассказать?

Вилевен заявывает галстук. Для него сейчас это важнее всего на свете.

— Видя те будя, будто человека убил... бросает он себя плечо.

— Понимашь, — начинает Алмак, но Вилевен не слушает его. Он наставляет:

* «Ему б кого-нибудь попроче.

* «Он цитирую полюбил.

Потом смотрит на Алмаку.

— Ну и что?

Алмак бродит и тихо. Слово застыла.

Пес-ушная, которая и хлещет его по плечу Вилевен. — Век змектроники — ползая шнур. Апрически название — аналоразам. Так, да!

— Неужели я в нем ошибся? — думает Алмак.

— Ты мужнина, да! Понимашь, жалут. А вообще совет: меньше эмоций. Иерные клатки не восстанавливаются.

Алмак встывает в коридор, потом спускается. У подъезда торжолно пропущилась шинная зилевенская «Волга». Ты-ни-на.

— Так! Я знаю, что мне делать. Знаю...

Алмак возится с ключом от своей квартиры. Потом мечется по комнате. Алмак его деловито бластят. Они тоже говорят: зная, зная, зная. Из стенового шифра выхвачен розжук, потом сивер, капин, меховая шпка.

— Все ясно. Черствые люди... Все. Все. Все.

Алмак достает из ящика стола фонарик.

Пролетает, кто-то заперт, — слышатся. Длинная, полярная ночь. Алмак идет, ты воробья — Крючок, Сверчок и Дока. И ты, милая принцесса, и ты, правильный человек Вилевен!.. Так. Теперь затолкнут в рюкзаки книги, фотоапарат...

— Нет, вполне продуманные сборы. Все на месте, все совершенно точно учтено и записано. Ну, до свиданья! Ну, до свиданья!

Снова щикт стола. Книжка чехов квартлеты. Аккуратно уложенные десятирублевые знаки. За два месца. Так и не заплатил. Мать будет сердиться. Ладуно жук, семь бед — один отек. Заработано — вышло. Мать поинет.

— Алмак еще раз пересчитал деньги, синца в карман.

— На самолет жидкая. Букта Тинка. Полиаркия — это Алмак! А здесь больше ни одного «ты» одолеть.

Торжолно вырывается диск телефона.

— Аэропорт, аэропорт...

Аэропорт не набирается. Мелкают тройки, семерки, девятки. «Куда же набираться» — думает Алмак. Другое выходит нет.

Мир узок, как игольное ушко. Этот философский вывод я сделал, когда подобнее угадусь на свое место. На вертолет я почти опоздал. Дверца его чуть не захлопнулась перед моим носом.

Всю ночь перед этим я не спал. Все Алмак. Вывод, к которому я пришел, был в высшей степени категоричным: другого выхода нет.

В вертолет я вхожу, ничего не видя. Меня никто не интересуется. Я понимаю: то, что я делаю... это безумство, и в какие пышные одежды это слово ни драпирюй, оно все-таки остается неприкрытым. Бегство.

А вертолет уже идет над городом. Салмакс в одну длину дома, улицы, фасада и налетывает на крышу. Я не могу оторваться от стекла. Город какой-то незнакомый, почти несуществующий. Может быть, это потому, что сейчас он просто напоминает проекционную площадку, макет Хлопыа тумана опускается все ниже и ниже. Пилот на секунду открыл дверца. Поток воздуха сорвал с меня шпату. Я оторвался от овна, чтобы подуть ее, и тут...

Да, мир узок, как игольное ушко. Я увидел очень знакомую картину. За ней торжолноща до отказа набитый рюкзак.

Я подхожу к Алмке. Теперь мне совершенно безразлично, что он обо мне думает. Мне слова смотрит друг друга в глаза.

— Куды ты идешь, Шинка? — Я спрашиваю со всею утешительской строгостью. Удительно, откуда она взялась вдруг, эта запоздавшая гостья! Но тем не менее я рад, что она наконец-то меня посетила.

В глазах у Алмак злость, и смятение, и выражение досады: не повезло. Он зло расстирает ее кулаком. Но куда от нее денешься! Она появляется еще и еще. И тут я вижу, что мой противник, Алмак Спешнев... самый обыкновенный школяр, которому еще не повезло и которому очень трудно справиться с собой. Снимаю с его плеч рюкзаки, ставлю у моих ног.

Я пытаюсь улыбнуться.

— Знаешь что, давай посмотрим на этот наш полет философски, так сказать, абстрагируясь от земнал.

Алмак понимает на меня глаза. Кроме как об учебной программе, а с ним раньше возмущался, он не может разговаривать.

Он смеется и задает вопрос:

— А вы... куда?

Я сначала даже не знаю, что ответить. Я, безусловно, растерян и придумяваю неправду. У меня настолько зметнито, что Алмак улетает.

Так, знаешь, решил полететь...

Мы долго бродили по аэропорту. Видели, как саднлись серебристые авианеры. Большегазельные стовардессы вели к трапам целенаправленно пассажиров. И кого только не узнавали мы в этих рюкзачка! Илечера, врача, артиста.

А одну очередь зымылка альпинист. Висюльн, в штурмовке, с откиннутым лезвием. Нам показались, что здесь, среди талт и солек, все городка, все алмак нашей боковой земли поживают друг друга руки.

Мы стояли, прижавшись к барьеру. А один раз провалился на летное поле. Пассажир в коротком пальто спросил нас:

— Улетаете?

Мы не знали, что ему ответить. Пожалан плачами. А он улыбулся и сказал:

— Красотища! — В рюкзак парня была этоподки.

Восбие нам было немного стыдно. Все куда-то торжолнись, все были заняты делом. И только мы бродили, как неприкаянные. Мы побывали в буфете, выпили кофе. Потом написали письма и даже отпривали две телеграммы. Но преимущественно мы говорили. Говорили обо всем. И не только Алмак. Я тоже говорила все, что думала о нем, Алмаке, о Наде, о пыжистых воробьях, о себе. Я не знаю, может, это небезопасно, но я чувствую, что должен рассказать ему все, как равному. Алмак слушал молча. Иногда кивал. Смотрел куда-то далеко-далеко. А потом говорил он. Все, без утайки.

Возвращались домой уже к вечеру.

— А ты знаешь, — сегодня впервые лечу на вертолете. Удивительная вещь... говорю я Алмке.

Когда мы шли по тротуару, уже вонсо светились огни. Был ветер, он прилетел кинуя ветки кленов, сыпалась листва. Мы надоели несил рюкзак. Алмак отпустил застывающую. Потом вдруг перестал, застыла. Я посмотрела ему в лицо. Он был бледным и очень худым. Я поняла, почему. У Алмак моего полудельа стояла Нада. Она увидела нас, отвернувшись, но не упала. Алмак не знал, что делать. Я хлопнула его по плечу: иди!

В нашем квартале осень. Облетают клены. Долго не гаснут огни. Я не знаю, что завтра скажет мне директор, когда я буду просить его вернуть заявление. Но это сейчас меня меньше всего тревожит. Гал-то по кварталу Алмак и Нада. О чем они говорят, думают, я не знаю. Но я уже не чувствую себя одинокой.

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Не ради романтики
И выгод полярник
В обычную Арктику
Приехали парни.

В контуре обыденно все и знакомо:
На стенах зигзагами красивые графики,
Цветной планет — «Берегись, насюкочим!»
И побережье... Северная Африка...

А солнце глатится в студеную воду,
И волны дробятся о серые скалы...
Залива этот парни, как девчачьи фото,
Поставят в добротную рамку причалов.

Придут корабли с океанских просторов
И голосом трубным и глоткою дынной
В честь этих парней, отодвинувших горы,
Исполнят торжественно зрелище гимны.

Для всех — для тех, чьи сердца стали
черствыми,
Кто чувствует пристылы скуки и лени,
Предлагаю на этом открыть полуостров
Институт Человеческих Отношений.

Его открыть
Удобно и просто —
Без отрыва
От производства.

Крылатая четверка Фазтона
в безоблачной заструга вышине.
Я разомлел. Сплошной поток фотонов
Весь день меня дубасит по спине.

А в лени и убавно время:
То нѣ море бездумно погляжу,
То поиграю в волейбол со всеми,
А после тело в море потружу.

Меня из волн выпаткивает сила,
Ее открыл когда-то Архимед,
Старик купался тоже. Осенило,
Открыл закон, а я — пока что нет.

...Всему придет неумолимый срок.
Я мысло построеными простыми —
Когда из господя посыпался песок,
Он взял и создал пляжи и пустыни.

В КОЛОМЕНСКОМ

В Коломенском шумят дубы,
Законные в паты,
Свидетели большой судьбы,
Корявые солдаты.

Среди дубов брону с утра
И в шуме предосенней,
То повстречаю дом Петра,
То церковь Вознесенья.

С крутого берега гляжу,
Как волны цвет менюют,
И над водою ворожу
И слово вспоминаю:

Глаза невесты, плач жены,
Набатный стон и эхо,
И контур крестовой стены,
И солнце на доспеках.

И мне придется в землю лечь.
Но в сумерки косые
Стоять дубам, и водам течь,
И вечно быть России.

Я долго не был на природе
И, выбравшись июльским днем,
Свою, как будто на пороге
У входа в чистый, светлый дом.

Сосновый лес, как на ходулях,
— Вся жизнь зеленая вверху.
Канье в ветры ни погулять,
Лишь переворошат труху.

А лес стоит. Ведь он не место,
Навски сказанный с заглавой,
Не зная ни добра, ни мести,
Он помнит снег и помнит зной.

Пониме тянется подлесок,
Блуд расти и крепнуть тут.
А ключь облаков белесых
Изменячим и вдали бегут.

До звонка остались считанные минуты.

«Золотая осень»

А верь обита черной
хлебенкой. Я мгнове-
ние помедлил на ле-
стничной клетке.

Уже три дня и в Калуж-
ге. Важебал в райком с дирек-
тором школы, где препода-
вала последнее время Лидия
Михайловна Шевчен-
ко. С большим трудом раз-
ыскала ее учеников.

— Она на пенсии, но в
школу заглядывает каждо-
ую неделю...

— Все жизнь с детьми...
— У нее не забалуешь-
ся. Строгая...

— Время незаметно ле-
тело на ее уроках...
Обычные слова, но, про-
изнес их, люди так мярно
улыбались, что эта улыбка
говорила больше, чем
поток восторженного мно-
гословия.

Нажимаю коричневою
пуговку звонку. На пороге
пожилая женщина. Внима-
тельный взгляд. В глазах

что-то молодое. Седые во-
лосы мягкой волной падо-
ют к плечам. Во всем обли-
ке горделивое достоин-
ство.

— Входите, входите же.
Не стесняйтесь.

Мы присаживаемся к
столу.

Легкий ветер шевелит
заванески, шелестит стра-
ничками кнети. Лидия Ми-
хайловна листает альбомы
фотографий, немногосло-
вно рассказывает о своей
жизни.

...Сеется мелкий, недоде-
льный дождь. Мутная пеле-
на заативает горизонт.
Старая кобыла, ребра ко-
торой торчат, словно пру-
жины просоженного дына-
на, медленно тащит телегу
по несвоему разбитому
проселку. На телеге ху-
дольная доушка. Она зло-
бно кутается в большой ма-
теринский платок. Все ее
богатство — стопка книг

Думать вместе, помогать друг другу стало правилом.

Сначала нехота, как будто
Прощальный вывад фейерверки,
Огромная стальная будка
Ушла, покачиваясь, вверх.

Тебя вдавнли перегрузки
В твой комфортабельнейший ступ,
И ты, наверное, по-русски
Закон Ньютона поглянул.

Когда, толкаясь по Арбату,
Я совершал обычный туп,
Ты точно вышел на орбиту
И мог слегка передохнуть.

Людия Михайловна Шевченко часто приходит в школу.

да маленький сундучок с немудреными поучками.

Вот уже много часов уставшая лошадь понуро, в такт движению, мочает головой, одолевая подковы. Мимо бесконечной однообразной чередой проплывают гребетые поля.

Наконец из-за бугра выглядывает мажорна сельской церквушки.

На въезде в деревню возница останавливает лошадь и хмуро роняет:

— Приехали, барышня. Калиновка.

«Так вот она какая, Калиновка!». Убогие домишки цепочкой вытянулись вдоль дороги. К ним жмутся низкорослые плетни. Все дома покрыты потемневшей от времени и непогоды соломой.

Кургузый, прокуренный до янтарной желтизны палеи возница показывает в сторону ветхой, в два окна избенки:

— Школа.

Бревенчатые стены школы потлили и покосились. Подслеповатые окна обреченно глядят в землю.

Улица пуста. Дождь загнал всех в избы. И только возле школы толпятся босяе ребятишки, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Затем бросаются взрослеющего. Но особая новость: «Новая учителька приехала!»

Начались занятия. В маленькой комнате три класса — восемьдесят человек. Позже всех, в октябре, когда перестали выгонять на дуга скотины, в школу пришел еще один ученик — Никита Хрущев.

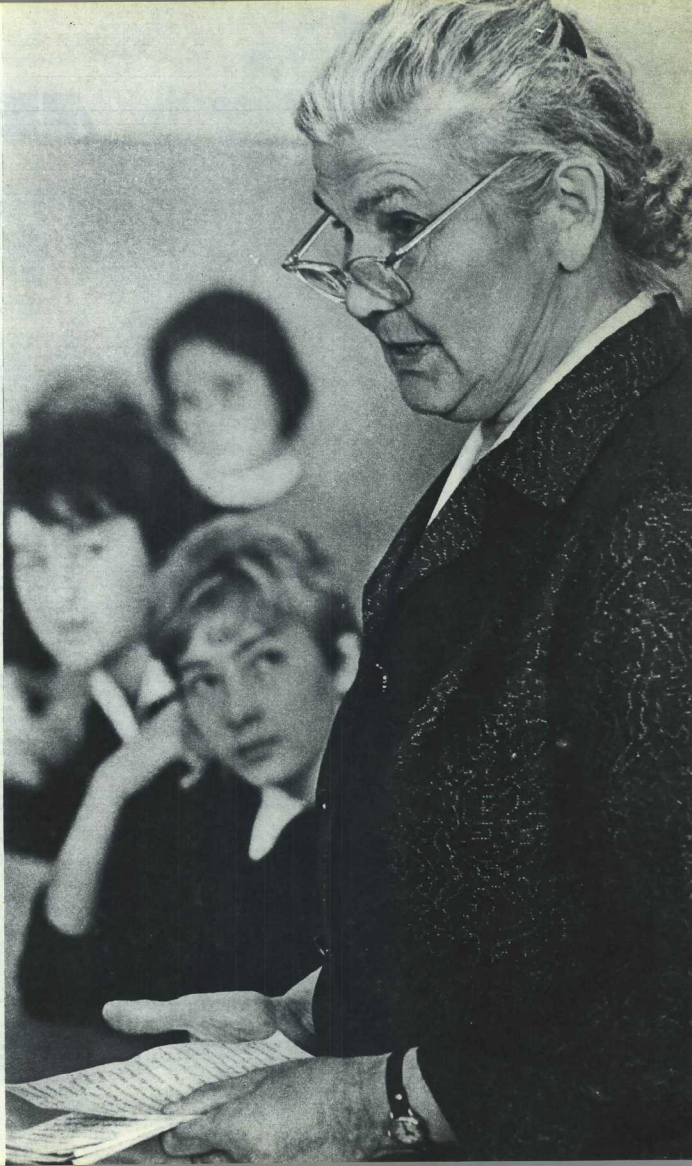
Много, много лет прошло с той далекой поры. Дни своей «золотой осени» встретила Людия Михайловна уже не в Калиновке, а в одной из школ города Калуги.

...Первого сентября в школу пришли ученики. И она, семидесятишестилетняя учительница, неторопливо отправилась с ними к красноярничному зданию, чтобы, как всегда, понаравить школьничков с началом нового учебного года. А потом робким первоклассникам на первом в их жизни уроке будут рассказывать о пресной русской учительнице Людии Михайловне Шевченко. Потом они увидят ее портрет в коридоре, а еще им будут непрестанно напоминать о ней деревья и кусты в саду, на пустыре, за школой. Она закладывала этот сад.

...Таких людей помнят долго.

Л. ЮРАСОВ

Фото А. УЗЛЯНА

«Я БУДУ ГОЛОСОВАТЬ ЗА БОЛЬШЕВНИКОВ»

На этих страницах перед нами пройдет короткий жизненный путь Николая Алексеевича Островского: 1904—1936. Он жил всего тридцать два года.

Своими книгами он на пороге смерти вернул себе жизнь, а книги открыли нам его жизнь, открыли страсть, которая одухотворила эту жизнь.

О своих книгах он мог бы сказать, что писал их несколько последних лет, а до этого — всю жизнь.

Он шел к ним каждым своим шагом — сквозь войны, революции, стройки. С лопатой или винтовкой в руках, в колхозе или нешем строю, сквозь атаку, митинг, суббоняки он являлся к своим книгам.

Не так, как художник, ждущий отдохновения, чтобы сесть за письменный стол.

Он жил, словно писал книгу, и книга его создавала, как будто шел в атаку. Вдохновение овладевало им задолго до того, как он издал в руки перо.

Возникновение этих книг не было случайным или вынужденным занятием большого...

Художник рос в нем с малых лет, и он, революционный боец, перестраивал мир, открывшийся перед ним, мир несовершенный и жестокий, — он перестраивал его по законам красоты и справедливости.

Вот почему в жизни Островского так опутана громадная тата и особой, мужественной гармонией.

Органический дар художника повелевал им: он сонмилал себя и все вокруг с высшим идеалом, свет которого открывал ему очень рано.

29 сентября 1904 года украинское село Вилки, Острожского уезда, бывшей Воынской губернии, стало, не ведая того, знаменитым: здесь родился Николай Островский.

Кольбель его баюкала украинская песня, и еще в детстве великий Кобзарь рассказывал ему, как

Без малодушной украинизмы
Противы мастерами трудовой жизни,
Измерить прогнати страстей,
Понять на деле жизни людей,
Прочитать все черные страницы,
Все беззащитные дела...
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы!

Ребенком же слышала он печальными и задорные мелодии наших ставящихся братьев — чехов: мама его, Ольга Осиповна, по прозвищу — девица, денивца фамилия ее — Завид. В далеких семидесятых годах прошлого века родители Ольги Осиповны переселились на Украину. Она родилась под тем же украинским именем, что и ее сын, в семье лесного сторожа.

И еще была в семье старший брат Дмитрий и сестренки: большая — Нада и меньшая — Ката.

И еще теплая речка Вилка, что впадала в Горынь, маняла к себе старый пруд да поля — почти от края до края — лясские. Лицо матери черное от старости, отец лицом скатался по деревням в поисках заработка, зимой служил соловодником на винокуренном заводе, сестренки помогают маме, склоняясь над шитьем, а братишка «в лодках», готовится на слесаря в уездном городе Остроге.

Четырехлетний Коля учится читать. Шести лет он поступает в церковноприходскую школу и в 1913 году заканчивает ее с похвальным листом (на второго класса он был переведен сразу в четвертый).

Убежал от нищеты, Ольга Осиповна вместе с Колей переезжает в Старо-Константинов, где служит кухаркой у директора сахарного завода. Сестренки вышли замуж.

Утром, горюче лично смотрит на нас с фотографий тех лет. Его обидела надменная хозяйская дочь, и он дает ей сдачи. Ольгу Осиповну увольняют. Она уезжает под Петербург, к Наде, где та поселилась с мужем. Коля забывает к себе отца, живший тогда у родственника в селе Турья, на австро-венгерской границе. Коля трудится, помогает отцу.

1914 год. Война. Безенцы, пожарница, великая беда. Глаза мальчика штыкуют в себя все.

К осени 1914 года Ольга Осиповна, Алесия Ивановна, Митя и Коля съезжаются в Шенетовке. Это железнодорожный уезд; середина — городок, окраины — деревенские. Отец и брат работают на станции, мама служит кухаркой. Николай учится в двухклассном училище, но — столкновение с попом, незабываемым любознательного, шпательного ученика, и Островский исключен из школы.

Весна 1915 года. Коля делит с мамой часть домашних тягот. Но книги, книги все более закупают его. Собирает своих «красногубачников» Гарибальди. Качает возлюбленных весте Талы Увеннигисель, а невеста Клавдия стучит в сердце Николая Островского. Дважды мальчика вытаскивает сбежать на фронт, не зная, как и за что идет сейчас война.

Осень 1915 года. Начинаются «университеты», просвещение Островского. Первым их курсом была работа клубника в станционном буфете Шенетовки. Он еще не стал юношей, а хамство, отупляющий труд, грубость и грязь начали бить его. Душа подростка сопротивляется всеми силами — и крепнет. При свете топик читается «Облава».

Человек не может ужиться среди лакеев. Он пилит дрова на станции, очмашает под от снега, приносит домой свой убогий заработок.

Уже пришел год 1917-й. Весеннее попомовое слово парням, и Коля сам вылет: из Киева приехали рабочие и арестовали жандармов.

Он начинает разбираться в водвороте революционной борьбы. Первый большевик, с которым познакомился Островский, был Иван Семонович Ляпин, впоследствии председатель Шенетовского ревкома (а «Клуб завалился стала» введен под фамилией (Долгичин). Он говорил о «крепких людях-большевиках, которые стоят за рабочими».

Николаю еще нет тридцати лет, но он уже знает:
— Я буду голосовать за большевиков!

«НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ В САБЕЛЬНЫЙ ПОХОД...»

«Власть — Советам! Мир — народам! Хлеб — голодным!»

Величайшая из революций, время подвигот, а мальчугану всего тринадцать лет.
Но книга, которая потом проследит его, уже пишется. Бескормые сердца, близкие, как одно сердце России, города, переходящие из рук в руки, поля, тоскующие по плугу, — они знают, как закалялись сталь.

Мальчик учится в двухклассном шестоклассном училище. Учится и работает. Он подручный кочера, помощник электромонтера на электростанции. Один из солдат Октября, Федор Филиппович Пердереичук, рассказывает парню о революции, и через год слова бывшего мастера станут навечно принадлежать Федору Жукову.

Линия дает от имени революции первые поручения Николаю Островскому.

На дальних вексах и нем приходится новые друзья — Свартак и Тарас Вудыба. Они стережат храброго мальчугана и обдирали его, когда он в ночь немецкой оккупации расклеивал призывные большевистские листовки.

Учительница Мария Яковлевна Рожановская поощряет первые опыты Николая в литературе: он пишет стихи и рассказы, которые помещаются в школьном рукописном журнале «Китики и коты» (или «Китики»). Островский — председатель ученического комитета.

Когда приходит мит действия, он не колеблется: вырывает Федора Пердереичука из рук смерти, сам попадает в петровский застенок, но ведет себя стойко, гордо, и мы узнаем в нем будущего Павлу Корчагина.

1919 год. В солнечный майский день Петеньку освобождает Красная Армия; вместе с военным отрядом в город входит как боец Николай Островский: выйдя из тюрьмы, он успевает установить связь с наступившими частями и добраться к ним.

Среди первых пяти комсомольцев Шенстоки — Николай Островский, боец ЧОНА (части особого назначения).

9 августа 1919 года красноармейско-добровольцев Островский, которому нет еще и пятнадцати лет, вместе с красными частями, временно occupying Шенстоку, уходит на фронт борьбы с белополяками. В одном строю с кавалеристами Котовского, которые соединятся с Конпармией Буденного.

Отвечный рейд Бердичев — Житомир, штурм Попрада-Большого, дни, летящие песней, первое ранение, госпиталь, снова бой...

Будет больно помыться,
как травы шевелит
когда месится мотылька
рабочих и крестьян.

Так в 1920 году Николай Островский возвращается в Шенстоку освобожденным. В его руке автомат; он — победитель редкого расстрельно-контрреволюционного агитатора. В его руке книга; он собирает в покнутых буржуах домах литературу для городской библиотеки.

«Снова фронт, снова Первая Конная. Бой под Лясковом. Гибель любимой навады Лулунова («Как закалялась сталь» — Летунов). Николай мчится в самую гущу схватки. Его почта настаивает смерть: ранения и живот и в голову, удар в позвоночник — редкие выживают после этого. В Киевском госпитале Островский выздоравли-

вает. Правый глаз его почти ослеп. Николаю шестнадцать лет. Шестнадцатидневная война. Страдания будущей книги разворачиваются жизнь. Их надо написать, и они пишутся — литым и лопатой.

Мир изстужен. Читаться, учиться и учиться — это партия молодежи. Островский вновь приходит в шенстоковскую школу.

Губком комсомола направляет его в Киев. Здесь он после ранения был членом, участником в ликвидации банд. Теперь он помощник электромонтера и секретарь комсомольской организации Главных мастерских Юго-Западной железной дороги. Кроме того, он учится в техникуме. Год 1921-й.

Именно в эти мастерские, где семнадцатилетний юнок молодежи слыл как комсомольскую браву, была сложена пенька:

Наш паровоз, вперед лети!
В поезде — остановка.
Возвращайся к нам, путь,
В ружье у нас vittoria.

Островский знал, что и в трудовой коммуне останков не будет. Только вперед, только на ладно огни!

«...Что же написал «Как закалялась сталь»?

Этот роман писал вся страна всей своей жизнью».

Этот роман писался героями войны и труда, продолжив в 1921 году узкоколейку и станции Воярка, чтобы Киев получал топливо.

Этот роман в 1922 году писала бригада киевских комсомольцев, в летней воде сплавившая сплавную лес во время паводка.

Этот роман в 1923 году продолжался гравирными Березова и с ними — секретарь райкома комсомола, комиссар батальона Ресоловца Николай Островский, принятый кандидатом в члены партии коммунистов «как самым выдержанным и стойким комсомольцем».

Этот роман в 1924 году слался комсомольцами Исаевская, избранные Николая секретарем райкома.

Траурным стеном гудок книги стирания этого романа в дни вихорон Ленинга.

Валкием великого партбилета партия вручает тысячи партбилетов вернейшим сынам и дочерям народа. Среди них партбилет Николая Островского, который 9 августа 1924 года был принят в члены Коммунистической партии. «Как можно жить вне партии в такой великий, незабываемый период?».

Жизнью, живой жизнью горели страницы будущего романа. Тиф и ревматизм — после стрелковости узкоколейки; выжужденное, изнуренное Островскому курортное лечение. Опять удары болезни после спасения сплавного леса; невыносимый притвор — инвалидность.

Но роман не может быть прерван, ибо он — жизнь! Островский и Шенстова, исполняет обязанности секретаря окружного комсомола.

Жизнь требует: запомнить имя, и дня, и я не всегда прихожу к людям в образе революции. И жизнь требует: расскажи обо мне, вот я ужо, ужо, а я хочу остаться НА ВЕЧНО в страницах, которые ты напишешь.

В Харьковском медико-механическом институте, где Островский лечит в 1925—1926 годах, в епителийском санатории «Майнаки» заслушиваются его рассказы. Фельдшер Луказов, писательница Анна Давылова, старый большевик Инокентий Павлович Червоков, Марта Пурина первыми услышали будущие страницы романа. Мы узнаем их в «Как закалялась сталь» под именами Луарин (Пурина), Леденева (Фелесен).

В июле 1926 года Островский переезжает в Новороссийск, где живет у подруги своей матери Л. И. Машко. Трагические перспективы развития его болезни уже очевидны. Тем сильнее жажда жизни.

В Новороссийске Островский встретил и полюбил Раису Порфирьевну Машко, ставшую его женой. В Новороссийске Островский решает зайти в руки новое оружие — перо и возвращается в общий строг писателем. Слова лечение — сааторий «Горный ключ». Мама, приехавшая и нему, застав его почти бессиленным. Но он читает и думает и ночь. Его любимые писатели Горький, Фурманов, Чацкий. Перечтаты классики, отечественные и зарубежные. Библиотекари Виктор Пачко и Дмитрий Хоружинко не успевают доставить Островскому литературу. Островский связан с городской партийной организацией: жить вне борьбы он не может. Он учится в Заочном коммунистическом университете имени И. М. Спердлова.

В октябре — декабре 1927 года написана повесть о бригаде Котовского. Она называлась «Рожденные бурей» и, по-видимому, представляла собой часть будущего романа «Как закалялась сталь». Рукопись послана в Одессу на отзыв боевым друзьям-товарищам. Другая прислала письмо, в котором высоко оценивала работу Николая. Рукопись обратно не вернулась: она была затеряла почтой. И этот удар он вынес!

Летом 1928 года Островский слет на лечение в Сочи.

Партия и народ строят социализм. Николай Островский никогда не будет апологом в этой борьбе!

МНЕНИЕ ЖИЗНИ

Перулов назывался Мертвый. Старый арбатский переулок. Здесь, в одном из его домов, жила, победила смерть, и в честь этой победы переулок назывался теперь именем жителя, именем Николая Островского. Здесь, в доме номер 12, в ноябре 1930 года был написан первый странный «Как закалялась сталь».

Но к нему никто было еще принят. В 1928 году Островский лечится в Сочи.

Лечится? Он вступает в борьбу с опасным недугом бывших домладельцев и добывает переселения рабочих в лучшие квартиры.

Лечится? Он вслепую собирает приемки, и сама страна говорит со своим отчаянным сыном. Он «эксплуатирует» всех приходящих к нему — ему читают газеты и книги. Он заочно оконченному комузу. Он помогает духовному росту своей жене и подготавливает ее к вступлению в партию. Он ведет политехнику молодежи, которая собирает у его постели.

Лечится? Он живет активнее многих здоровых и обдумывает план будущей книги.

Никогда не забудутся прекрасные люди, старые большевики Александра Алексеевна Жигарева, Хрисанф Павлович Червоков и Инокентий Павлович Фелесен, в которых Островский снова встречался в Сочи. Их душевность — один из «соавторов» книг Островского. Их внимание к нему неограничено: в тот заряд, который несут книги Островского.

Неужели здоровье не вернется, хотя бы частично? Осенью 1929 года Островский вместе с женой приезжает в Москву, чтобы дать болезни последний бой. Но бой оказывается проигранным. Здоровье уходит. Он снова едет в Сочи, а в октябре 1930 года в сопровождении сестры Катя возвращается в Москву, где оставалась жена. В начале следующего года в Москву приезжает мама.

Ольга Осиповна, Раиса Порфирьевна, Екатерина Александровна — мать, жена и сестра три Заботы, три Доброты... Нам, чудесные женщины, спасибо за книги, которые без нас было бы написать в тысячу раз труднее!

Итак, открывается новый фронт борьбы. Борьба и победы.

ПИСЬМА

Есть в Московском музее-квартире Николая Островского бумага, которое было трудно прочитать. Коммунисты подвизавшиеся в Гижской сручной тюрьме написали его еще в то время, когда в Лавиньи был буржуазный режим. Письмо написано на крохотных листках папиросной бумаги удивительно красивой буквой и адресовано Николаю Островскому.

«Дорогой товарищ! Надо строго цензуры, господствующей у нас, нам все же удалось прочесть эту замечательную книгу о том, как аккадлы стали. Эта книга обошла все общие камеры, заглянула в одиночки.

Книга заставила забыть, что мы находимся в тюрьме: она уничтожила стены вокруг нас, наполнила нас новой чудесной силой и ясностью».

Коммунисты писали Островскому на тюрьме, что их не останавливает угроза быть убитыми, не пугают пытки в охранке, люди которых, нечеловеческие злодеи, трудят и живут в тюрьмах. «Нам больше, чем кому-либо, знакома страшная возможность быть выброшенными из жизни, возможность опавшими физически неспособными продолжать борьбу. Полные пыли мастерские тюрьмы Лавиньи, насыщенная паром прачечная нашей тюрьмы, сырые, холодные камеры, жестокий режим — все это разведает наши легкие, развивает острый ревматизм, треплет нервы. А каменоломни Калитинема, где наши товарищи изрыдают, теряют колени и падают в воде! Работа на врага, работа из-под рези-

ной дубинки, сменяющаяся топором в темном, сыром каюте. И нередко товарищи, входящие в тюрьму молодыми и здоровыми, через несколько лет выходят рабскими калеками, и многие из нас, подобно товарищу Островскому, в раз-в минуты отчаяния говорили себе: «На что ты будешь годен после тюрьмы? И стоит ли жить такому калеке?». И Папка сказал нам: «Стоит!».

Меня, экскурсовода, давно интересовала история этого письма. Мне хотелось разыскать людей, писавших его. И вот я в Риге, в Музее истории и революции. Научный сотрудник Паулина Яновна Путе не только мне чудом удавшиеся фотографии коммунистов и комсомольцев, спящих в Рижской тюрьме. Я смотрю на пожелтевшие фотографии. Вот они, авторы письма к Островскому.

«Кое-что из них живы» — говорит мне Паулина Яновна — «Вот, например, Сильвия Валодэ — редактор нашего женского журнала «Падомю Латвия Сивнетэ». Она сейчас в Гаге».

— А некая ли с ней увидится? — Паулина Яновна говорит по телефону, объясняет, что приехала гости в Москву, но Музей Николая Островского не принимает. А читательница уже еду в редакцию к Валодэ.

У Сильвии Яновны добрые, уставшие глаза. Она волнуется, вспоминая о забытых тех лет.

Молодежь даушуйа а работа в комсомоле она была арестована и брошена в тюрьму. На минутку

У Сильвии Яновны добрые, уставшие глаза. Она волнуется, вспоминая о забытых тех лет.

Молодежь даушуйа а работа в комсомоле она была арестована и брошена в тюрьму. На минутку

У Сильвии Яновны добрые, уставшие глаза. Она волнуется, вспоминая о забытых тех лет.

Молодежь даушуйа а работа в комсомоле она была арестована и брошена в тюрьму. На минутку

У Сильвии Яновны добрые, уставшие глаза. Она волнуется, вспоминая о забытых тех лет.

Молодежь даушуйа а работа в комсомоле она была арестована и брошена в тюрьму. На минутку

У Сильвии Яновны добрые, уставшие глаза. Она волнуется, вспоминая о забытых тех лет.

Молодежь даушуйа а работа в комсомоле она была арестована и брошена в тюрьму. На минутку

охранке и на суде Сильвия Яновна была признана виновной. В тюрьме она анализалась по убеждению и поэтому не признает права буржуазного суда судить ее. Ей не дали говорить дальше и вывели из зала суда. Ее тогда осудили на шесть лет лагеря. Провела же она в тюрьме около десяти лет.

И в последние в той нашей жизни за тюремными решетками не было места отчаянию. Эта жизнь тоже была борьбой, только иного рода. То была школа подвизавшихся, рабочих университетов. Провести в тюрьме долго годы без товарищей невозможно. Тюремный коллектив! Мы провели мы нашу молодость. Несмотря на лагерный режим, в тюрьме мы много учились. Наш день был распределен жестко. Мы ценили время. Изучали языки — английский, немецкий, французский. Занимались полнотонной, историческим и диалектическим материализмом, экономической географией. С историей СССР знакомил по Покровскому. В тюрьме мы начали писать историю революционного движения Латвии.

Мы не чувствовали себя изолированными. С воли к нам приходили добрые вести и книги. Конечно, у нас не было библиотечных названий и чужие обложки. Товарищи искусно переплетали книги и в таком виде передавали в тюрьму не легальную литературу. Нам разрешалось иметь писчей бумаги, газеты и книги разрешалось читать, только из составленного полицейского списка. Не разрешалось смотреть в окна, за что бросили в камеру. Нашему секретарю нелегального ко-

митета комсомола Лайме Яунзол ставшая мастеровой Вайме Яунзол она посмотрела в окно. Обьезки был части, в камеры врывались неожиданно, обсыпали унизительно. Но, несмотря на угрозы и наказания, мы все же поддерживали связь с волей.

Однажды одной из наших тюремных подруг, Милде Вирвиль-Фельд Дюрте, пришлось письмо от ее сестры Кристины. Сестра сообщила, что в Москве вышла замечательная книга неизвестного тогда еще писателя Николая Островского и что судьба этого человека удивительна. Кристина изложила в письме статью об Островском Михаиле Кольцова, которая называлась «Музыка». Так впервые мы узнали об Островском. Вскоре об этом письме узнали все товарищи. Мы но раз перечитывали строчки: «Навечно лежачий Островский, слепой, неподвижный, смею войти в литературу, завоевав место в душах людей навечно. Равно он не герой, человек большого таланта и мужества! Да, он гордостью не только Советской страны».

Можете представить нашу радость, когда Кристина с помощью других товарищей переслала нам в тюрьму «Как закалялась сталь». Это был для нас величайший праздник. Мы бросили все дела и стали читать роман. В камере стояла нарядная женщина, мы слушали рассказ о Павле Корчагине. Даже те, кто плохо понимал по-русски, старались уловить знакомые слова, чтобы в них понять содержание. Читали по очереди, кто-то из камерных был в других камерах. Затем

Ее реликвии — карандаши, написанные листы, транспарант с прорезями, в которых двигались карандаши. О первых шагах этой борьбы мы бы рассказали и Галла Алексеева, соседка по квартире, записывавшая со слов Островского последние главы 1-й части романа.

Жизнь вставала перед нами и преображалась, в слова, чтобы уже никогда не умереть. Он писал о себе — и я о себе, он писал о своих товарищах и будто не о них, а о людях легкими. Тем не менее сама реальная, сама торговля правды говорила устами Островского. В своем подвиге и подвиге своих друзей он открыл черты Подвизкина Временя. У этого Подвизкина в отличие от мифологического — земная биография. Оттого еще необыкновенное его личностное. Островский отчет точен: смешая события, сплавлявая вымысел и факты, он востановливается документальной основой, и тем поразительное символический смысл, который обретает в его изложении факты, просвещающие действительными событиями.

В арбестком переуде Москвы, поднимавшаяся востановление документами, а в стройками, вставала Павел Корчагин».

Его ждала долгая судьба и многие испытания. В него будут стрелять, его будут пытать, на него обрушатся испытания тех лет, о которых никогда не узнает Островский. Но он выживет. Он войдет в миллионы, они будут им, он станет им.

А пока мало кто знает о безвестной работе бывшего красноармейца...

В конце октября 1931 года завершена первая часть «Как закалялась сталь». Рукопись чита-

ют друзья, ее обсуждают коммунисты и комсомольцы Шпетовны, одобряя труд своего товарища. Островский становится — на расстоянии — руководителем шпетовской литературной группы, которая присылает ему на отрыв произведения выкладки.

И. П. Феденев относит рукопись в издательство «Молодая гвардия». Оттуда она возвращается с отрицательным отзывом писателя сеного редактора, не достигшего даже до конца романа. Из Ленинграда, куда рукопись была отправлена Жигиревой для передачи в издательство, ответ все не поступает.

В феврале 1932 года рукопись наконец-то встретил человек, который первым дал ей путь в свет — к изданию. Феденев передал рукопись заместителю редактора журнала «Молодая гвардия» писателю Марку Колосову, который высоко оценил роман. Затем рукопись прочитала писательница Анна Караванова — редактор журнала «Молодая гвардия». Их мнения совпали: рукопись надо печатать.

Железное кольцо пропало. Победил! Узнала и ней, слепой человек углубляется и ликует поет: «Лейся вальд, наш напев...» «Как закалялась сталь» (первая часть) впервые начинает печататься в номере четвертом журнала «Молодая гвардия» за 1932 год.

Внимательно прислушивается Островский ко всем замечаниям, строго готовит рукопись к печати, но все делает сам, не разрешая ничего писать за него.

Вскоре он по перенес крупное воспаление легких и был близок к смерти. Летом Островский уезжает в Сочи.

В страданиях с болезнями, в семилетних бит-

вах со страданиями пишется вторая часть. «Как закалялась сталь». В июне 1933 года рукопись второй части отсылается в Москву. Писатель обдумывает план новой работы. В самом начале 1934 года в журнале «Молодая гвардия» печатается вторая часть «Как закалялась сталь», а уже в декабре после неустанным изучения обширных источников Островский начинает диктовать главы романа «Рожденные бурей».

Чем слабее его тело, тем жарче пылает в нем дух.

Островского окружают родные, друзья: Михаил Черемных, Лен Николаевич Береснев, врач Михаил Карлович Паллоцкий. Дружеские отношения завязываются с Серрафимовичем, Олдевым, Матз Залкой, Шолоховым. У постели Островского собирается молодежь, он руководит литературным кружком. Он много читает (вернее, конспектирует, ему читают), активно участвует в работе Союзной партийной организации. Он боец.

В июне 1934 года Николай Островский приходит в Союз писателей писателем.

Выходят одно за другим первые отдельные издания «Как закалялась сталь».

Страна узнает о писателе-коммунисте Николае Островском.

Сначала маленькими тиражами, потом большими, все нарастающим потоком хлынула писателя читателями. В Павле Корчагине молодежь узнала себя. В Павле Корчагине народ увидел героя, вышедшего из народа и оставшегося с ним и в нем.

Всех 1935 год проходит в работе над романом «Рожденные бурей». Писатель тщательно редактирует новое издание «Как закалялась сталь».

ХИЛЬЗАХ

надо было перевести книгу на латышский. И Мишда Виркефельд-Дермане в городе перевел «Как закалялась сталь» на латышский язык. Это наша первая переводчица. Через базю книгу удалось передать в мужской корпус. Позже она попала в Центральную рижскую политическую тюрьму.

Как ее читали там, мне рассказал Мартын Розенталь, старый коммунист, работавший ныне на ВДНХ: «Однажды мы получили от соседней бесмертной произведение Н. Островского «Как закалялась сталь». Это было целое событие, чем более, что в одном письме, пришедшем неважно до этого, мне писали об этой великоленной книге и ее авторе. Времени для чтения нам дали очень мало: на другой день ее нужно было передать дальше, так что в нашем распоряжении были неполные сутки. Читали вынужденно, чтобы надзорщики в коридоре не могли подслушать, и когда один из нас уставал, продолжал другой. Так до утра следующего дня мы прочли обе части и во время очередной прогулки передали книгу дальше. Несокрушимая сила и выдержка Островского, созданные им образы глубоко врезались в память. Они помогли нам жить и бороться.

— Уники рижской срочной тюрьмы решили написать письмо Островскому, — продолжила Сильвия Яновна. — Первый набросок писем составила Скоповская. Письмо обсуждали, добавляли, изменяли, переписывали. Оно переходило из камеры в камеру. Укрупнить письмо в тюрьме было очень сложно. Если бы

его нашли надзиратели, карьера не миновала, и было еще одно наказание: постричься — Кадильская камера, настоящий лагерь смерти. И все-таки мы написали это письмо и даже сумели его отправить на волю. Долго не представлялось этого случая, и письмо прятали. Прятали даже в соломинке из матраца. Привязали к ней нитку, чтобы не затерялась, но нитка однажды оборвалась, и письмо случайно смешилось с тысячами других. Выход все-таки нашли. Вот как об этом рассказывает бывший редактор негетерильной коммунистической газеты Ева Плисеман:

— Пришлось мое соседке Аустре представиться сильно захворавшей, а я выпросила у надзирательницы кофты для ухода ночью за подругой. Мы испортили матрац и, выдыхаясь от пыли, осмотрели каждую соломинку, пока не нашли прощалу.

Но вынести письмо из тюрьмы было еще сложнее. Мы написали его на маленьких листках от напирочных гильз, а чтобы бумага не шуршала, мы предварительно смочили ее в молоке. Листочки разделили и вложили в мучечные туловища, приняв их к кофточке вышедшей из тюрьмы комсомолки.

Вспоминая, моя собеседница оживилась, глаза ее молено блеснули. — Мы научились тогда писать мелко-мелко, это вошло в привычку. И даже теперь, когда у меня сколько угодно бумаги, я по-прежнему пишу мелко...

М. ПИСТОЛЯКО

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ.

Работа скульптора И. ВАСИЛЬЕВА.

Он участвует в создании кинофильма по роману.

Его труды то и дело прерывают болезнями, но отпуски писателя Островский берет себе только тогда, когда его обязывают к этому нартивные и комсомольские инстанции.

Друзья, знакомые, десятки незнакомых людей находят в нем жизнерадостного, обязательного собеседника.

Ширится завидан «Как закалялась сталь» у нас и за рубежом. Сбылась мечта Островского: он в строю!

Вдохновенную статью Михаила Кольцова «Мужество», посвященную беспримерному подвигу, помечает «Права». В гостях к Островскому приезжают брат и сестра Ленина — Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы. Ромэн Ролен в ответ на приветствие, которое прислал Островский в связи с семидесятилетием великого революционера, пишет восторженное письмо автору: «Как закалялась сталь»: «Вы стали единым делом с Вашим великим освобожденным и воскресшим народом. Мы — в нем, он — Вас».

1 октября 1935 года Николай Островский награжден орденом Ленина. Он был вручен ему одним из старейших коммунистов, Григорием Ивановичем Петровским.

Тысячи людей издается его самоотверженное повествование Николая Островского подзаголовком М. И. Калинин, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова. В радиопередачах украинских городов, посвященной патриоте, звучит мелодий голос Николая Островского; он благодарит патриот и правдивость, он совет мучителей только вперед, только на линию огня!

Упорный труд не прекращается. В него вхо-

дят теперь и страстные выступления писателя в печати и по радио.

В апреле 1935 года первые главы романа «Рожденные бурей» публикуются в газете «Социальная правда». С номера седьмого роман печатает журнал «Молодая гвардия». Но работа над книгой не закончена.

Финалом, этот сумасшедший с бомбой, грозит всемирным пожаром. Николай Островский создает «Рожденные бурей» как антифашистский роман, наступательный и бесновидный к черной нечести.

Для завершения работы необходимо изучение новых источников, которые хранились в жидовских библиотеках. Как нам опасно это для здоровья, в декабре 1935 года Островский приезжает в Москву.

Тот 1936-й. Последний год жизни Николая Островского. В Москве, в доме номер 40, по улице Горького, где к приезду писателя была приготовлена квартира, в которой он мог бы спокойно работать, вытиснул главы первого тома романа «Рожденные бурей», собираются дополнительные материалы для книги.

Как живой с живыми, здоровый со здоровыми, говорит писатель с делегатами IX украинского и X Всесоюзного съездов комсомола. Он рассказывает о себе. Он выступает не с трибуны, а по радио, слева в постели. Но он в строю. Политуправление Красной Армии взяло его на учет как военного корреспондента.

Летом 1936 года Островский возвращается в Сочи, где живет и работает на даче, построенной на его правительство Украины.

Смерть Алексея Максимовича Горького, которого Островский горячо любил, тяжело подей-

ствовала на него. Наступает обострение болезни, жизнь снова на волоске, но жизнь побеждает.

За работу! 23 августа 1936 года рукопись первой части романа послана в Москву. Не для печати, подчеркивает Островский, а для обсуждения.

Сочинский горком партии обязывает его откликнуться. Отдых этот отменяется: чтение, встречи, переписка.

22 октября Островский выезжает в Москву. 15 ноября у него на квартире происходит обсуждение романа. «Откройте артельерский огонь!» — требует писателя, чья воля максимально напряжена. Выступают Серафимович, Фадеев, Ставский, Лахути, Асеев... Высказана критические замечания, они в целом одобрили работу Островского.

Наступил последний месяц жизни Николая Островского.

12 декабря он заканчивает редактирование рукописи.

Пена он работал, смерть не смела к нему приблизиться.

16 декабря начинается новый приступ болезни.

Жизнь дала прохладу в страшных мучительных Николая Островского.

На пороге смерти он был в строю республиканцев, защитников Мадрид от франкистов. Он спрашивал: — Держится ли Мадрид? 22 декабря в 19 часов 50 минут Николай Островский умер.

Внедрю в него была долгая жизнь. Жизнь Павла Корчагина.

И. ПАВЛОВА

В ГОРОДЕ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

РОВЕСНИКИ

Шелетовцы живут так, словно Николай Островский и сейчас среди них. Все здесь напоминает о нем. На комсомольских конференциях его избирают в президиум. Машины и дозри, рабочие сахарного завода присваивают своим бригадам его имя. В каждом доме есть портрет Островского, его книги.

А уж если приезжает парнишка на работу в депо откуда-нибудь из Жмеринского училища или Одесского техникума, то прежде всего обойдет все достопримечательности: школу, где учился Островский, разрушенную водочку, заглянет в музей. И только тогда приблизится к Шелетовцам, почувствует себя истым земляком Николая Островского. Земляком Павла Корчагина. Потому что два эти имени слиты для всех воедино.

В перее воле гостиницы есть длинная стена. На ней высечены имена — мужчин, женщин, девушек. Они пали в минавшую войну. Пауки в бокх за Шелетову. Эти имена — как немые голоса из прошлого, из Битвы. Я много раз проходила мимо и слышала то хор. Он не о смерти, он о мужестве, которое переводит на корягиной земле от поколения к поколению.

В стороне от парка на центральную улицу выходит памятник Герою Советского Союза Вале Котуху. Это тринадцатилетний пионер ушел в партизаны, положив в походную сумку «как занавалась сталь»...

Я иду дальше. Комсомольцы показывают место, где Будет заложена памятник Николаю Островскому. Сейчас идет сбор средств в фонд строительства памятника. Молодежь Шелетовского пшавинобината обрабатывает воскресный день, и все деньги пойдут на памятник. Такие вести идут отовсюду.

В Шелетовке мне сказали: здесь живет человек, который знал Николая Островского еще мальчишкой. Ему девятно лет, но, по рассказам, старик еще крепок и хорошо помнит былое. Явлюсь по адресу в гости, а мне говорят: Яков Максимович сам ушел в гости.

Я представляюсь.
— Ну, а сы сын Якова Максимовича — Иван Яковлевич бондарчук. Будем знакомы. В депо не были еще! Обязательно надо зайти, там молодежи много. А потом ведь дело — самое корягино место в Шелетовке!

У Ивана Яковлевича тихие голубые глаза. Говорит он неспешно, так же неспешно курит, стражая пепел. И — о чудо! — буквально через две фразы я во власти обаяния его личности. Каждое слово его, манера говорить выдают в нем человека интеллигентного, думающего и, как бы поточнее выразился, общественног. Такого, которому до всего есть дело. Жизнь дело — а Иван Яковлевич заведует здесь техническим кабинетом. — до того неведомая, понятие открывается мне. Я узнаю, что год был не прост: после перевода на тепловозную тягу большая часть грузопотока пошла через Казани. Вперед перспективны перебрал на электропуть, монтажники уже ставят опоры и тянут нитку контактного провода. И, значит, там, кто выключил на машиниста тепловоза, придется скоро переучиваться вновь. И еще много разнообразных и глубоких знаний выхлал Иван Яковлевич. И в технических, и экономических подробностях: строительства электродорог, и об истории депо, и о жилищных и житейских проблемах Шелетовки, и не только Шелетовки.

Сидя в доме Ивана Яковлевича, я

ваду прикинул: а ведь хозяин мой немногим моложе Павел Корчагин, и он причтен к делам Павкиных ровесников и вправе смотреть на сегодняшнее поколение глазами поколения Корчагиных и Островски. И мне показалось интересным и даже важным узнать: так как же он смотрит на нынешнюю молодежь? Что о ней думает!

Иван Яковлевич выслушал мой сбивчиво высказанный вопрос. Выслушал серьезно и раздумчиво. Потом сказал:

— Ваш вопрос можно сформулировать и по-другому: как должен выглядеть сегодняшний Павел Корчагин? Так? Вроде бы вопрос легкий. Прост. А на самом деле нет. Не прост и не легкий. Ведь мы привыкли смотреть на Павку так: Павка — это геройство. Подвиг. Борьба. Любовь. Атака. Это подтянутый пацан. Лишняя. Аскетизм. Самоубийство.

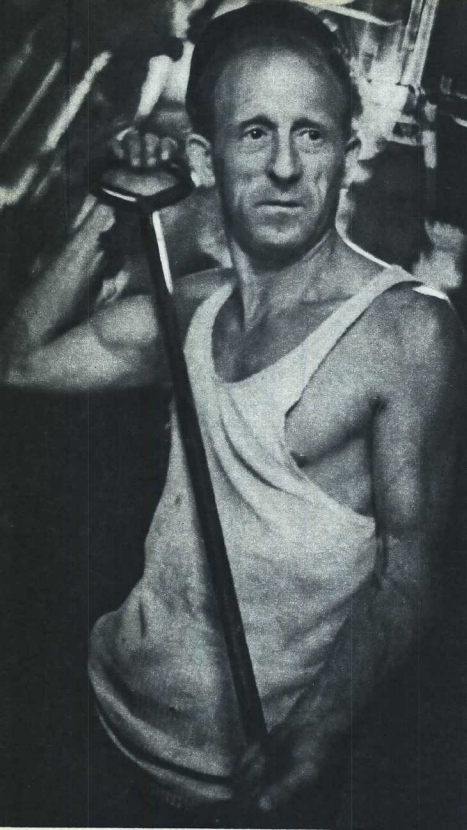
Но наше время — иное время. Все вокруг стало совсем другим: и страна, и люди, и сама жизнь. А мы до сих пор мерим корягиной меркой лишь нечто необычное, выдающееся, то, из ряда вон: водопласт спустился на необычную глубину; смельчак матрос в бурю полез на стрелу крана, чтобы исправить блок и спасти трап с рыбой; пожарник вытаскил из горящего дома ребенка.

Прав Иван Яковлевич, думала я. Что там подвиг! Даже когда мы пытаемся обратиться к чему-то более обыденному, повседневному, мы бессознательно стараемся «приподнять» эту обыденность на некоторую высоту: матрос — так обязательно «допрыгать» морских просторов», допрыгать — так не просто доит коров, а непременно «бросается» за рекордными удоями, «жмел финансы, так они неизбежно «штурмуют» высоты науки».

— Ну, а если тебе не досталось счастья спасти трап с рыбой, — продолжал свою мысль Иван Яковлевич, — ну, хотя бы потому, что вокруг нашей Шелетовки нет и не предвидится моря, если помары обойдет тебя стоборья, если предостареться аварию повезло не тебе, а нашему дежурному по депо Георгию Кудашеву, который и без того Герой Советского Союза! Представте себе обыкновенного нашего машиниста или помощника, молодого парня. Идет он какждое утро знакомой до последней травинки и кашежка дорогой в депо и видит знакомую дверь, воля которой и видит знакомую кабинку тепловоза и поедет до Золотоува, а оттуда — обратно... И так сегодня, завтра, послезавтра... И без этого, представте, ты не можешь жить, потому что это и есть твоя жизнь. Если так! В этой вот обыкновенной жизни можно быть корягином, наследником Павки? Ди или нет! Вот что ставит многих у нас в тупик!

Вот я вам, к примеру, расскажу об одном нашем девятнадцатилетнем парне — Петре Шевченко. Таких у нас немало.

А вы уж сами решайте, корягины такие ребята или нет.
Пришел Петру в депо — было ему тогда восемнадцать — после Одесского железнодорожного техникума. И представте, со своим дипломом начал все равно с кочерага. Такая у нас традиция. Взгля его себе в бригаду имени Николая Островского Василий Петрович Шмигельский, знаменитый воспитатель молодых машинистов, депутат Верховного Совета Украины, инициатор бригады шва славя по всей Юго-Западной дороге. Петру оказался парнем очень способным и,

В ОБЪЕКТИВЕ : ФРАНЦИЯ

Фото И. ГРИЧЕРА

Для удачного кадра нужен солнечный день. Фоторепортеры любят солнце. Присутствует оно, хотя и по-разному, и на этих снимках. Объектив остановил несколько мгновений жизни Франции: несколько лиц из пятидесяти миллионов — детски, молодых, уже тронутых годами. Вглядитесь в них: солнце, беспристрастный свидетель, поможет вам разгадать ваших современников, живущих во Франции.

Коммунист Доменик Козелла двадцать лет работает кочегаром на рейсовом пароходе Марсель — Аяччо. Возит туристов на Корсику и своих, корсиканцев, на континент: на острове нет работы.

Воскресное утро. Этот веселый парень со значком Союза коммунистической молодежи продает «Юми» — так ласково называют свою газету читатели «Юманиста».

Полторы тысячи квалифицированных рабочих остались за воротами верфи Пор-де-Бук. Хозяева решили, что им выгоднее переждать заказы в Японию. Рабочие собрались на митинг, чтобы потребовать от правительства отмены решения.

A man in a dark sweater holding a newspaper and looking up, surrounded by political posters.

APRES LE CONGRES DU PARTI COMMUNISTE

MARDI 9 JUIN 20 H 30

Cinéma "Pyrenées-Palace"

- Une ENTENTE DU... Communistes et So...
- Peut-on s'unir ? Communistes, Socialistes pour en finir avec le PO... CONSTRUIRE UN AVENIR DE PROGRES ET DE PA...
- Choisir absolument...

LE TOUR

l'Humanité

FRANCAIS ET SOVIETIQUES PAR... EN POLE...

LA VIERGE

PLAMBOYANIE

PARTI COMMUNISTE

RO...

Жозет Прено — студентка Сорбонны. Это не утренник прогулка вдоль Сены, это ее работа. Каждое утро она гуляет с хозяйской дочкой и собакой, ведь нужно платить за учебники, за право слушать лекции и сдавать экзамены.

Раньше на карресеях стояли деревянные ослы и лошади. Теперь — железные «шершавки»...

Монмартр — город художников, и, судя по дорожкам, молодых. Как видите, вопреки распространному мнению, его обитатели стараются не отрываться от жизни и с ногами ходят в газету.

Еще совсем недавно здесь метался в собственной «дырке» местная обитательница. «Здесь можно вкусно поест и выпить. Заходите познакомиться с «Стойлом» — приглашают надписи над входом. Нетрудно догадаться по лицам молодых хозяев, что жаждущих познакомиться в «Стойле» не так уж много. Посетители предпочитают ходить солидные модернизированные заведения. Маленькие кабинки прокурора, не выдерживая конкуренции (слишком слава).

Марсель Дассо — самый богатый человек Франции. Владелец заводов, домов, пароходов, что было не сорвалось, у него с паром это искалало бы истину, так как основные капиталы вложены г-ном Дассо в авиационную промышленность. Немалые доходы приносит ему также иллюстрированный еженедельник «Жур де Франс» («Дни Франции»). Дассо — полновалостный хозяин этого весьма распространенного во Франции журнала. Полновалостный, каждое его слово — закон. Каждая прищуда выполняется неукоснительно. Не любит, например, господин Дассо словца, и в «Жур де Франс» иллюстрированном состоянии на иллюстраций, вы никогда не увидите даже кончика кобета. На любит бородатых мужчин, и легче верболоду пройтись игольное ушко, чем обладателю бороды покориться на страницах журнала. Ненавидит господин Дассо негров (в этом он полностью сходен с мистером Тинкстром), и доступ под обложку «Жур де Франс» открыт только для белых.

Что же любит г-н Марсель Дассо? Деньги... Все жизни, в амуе уже 72 года, он занимается все новые и новые способы приумножения своих капиталов. Последнее время он стал внимательно присматриваться к французской молодежи, той, что посостезательнее, и прислушивается к тому, что о ней говорят и пишут. Черт возьми, каких только кумиров она себе не сотворила! Поболтуется: семидесятилетняя певичка, «выброшенная на рынок ульмными руками, немедля превращается в звезду первой величины, выпускаются груды пластинок с ее песенками, все их поют и инстинктивно. Прекрасный пример — Шейла. Давно ли ее никто не знает! А сейчас, пожалуй, та, деньги, полученные за напевы дочерью пластинки, родители заработали пока в свободное от вокальных упражнении время сама лыбница юной публики за привалком. Может ли быть лучшей рекламой! В магазин валют, как на концерт. Стоит ли удивляться, что торговый оборот предприятия за год составил 1 миллиард в старых франках! А он, Марсель Дассо, зарабатывает пока на Шейлу не сантима. Так не годится!

Конечно, «Жур де Франс» не эстрадные подмостки, петь и танцевать на его страницах не могут ни Жюльон Хольберг, ни Сильвия Вертин, ни же Шейла, ни этот, как и Джон Франсуа... Но ведь никто не заставит их делать что-нибудь другое, тоже прибыльное. «Кумиры молодежи» — с этим надо считать заработки пока еженедельником «Пари-матч».

На старости лет решил основать издательство, выпускающее книги для юных читателей. Тем же путем пошел в убогую седую голову, если бы у него на глазах не разбегалась

его же бывший сотрудник Филиппичи, ставший во главе журнала «Привет, ребята!». 1250 000 экземпляров! Неслыханное дело. «Привет, ребята!» Нелюбо и прищудо с паром выпустить эти магические слова в эмблему своего нового издательства. Пруву заплатил Филиппичи крупную сумму. Но, надо полагать, не зря: покупатели скорее клонут — знакомую наклейку!

И все-таки если операция «Уки-куки» завершится успехом, то «Уки-куки» отперо вам секрет. Уки-куки! Уки-куки!

Никто не посмеет утверждать, что эта песенка, сочиненная Клодом Каррером, не была обвородована впервые именно во владениях Дассо — на страницах «Жур де Франс».

«Уки-куки» — писало в журнале без всякой тени иронии, — это новый или объединение молодежи».

Сам автор давал наставления исполнительнице: «Своим «Уки-куки» ты создаешь новое выражение, которое должно заменить «о-о-о», уже поканосившееся и слишком привычное. И ты должна вложить в это «Уки-куки» все пламя, всю силу, всю необходимую страсть, чтобы наваять его... Ты понимаешь? Наваять!»

Если это удастся, если «Уки-куки» завоеует популярность, войдет в речь молодежи, а затем и старши, то со временем можно будет переименовать «Жур де Франс» в «Уки-куки», а пока Дассо проводит первые этапы задуманной операции. Срочно производится «коммандирование» журналом. Уже не то что с бородой — лицами с двумя-тремя морщинами вход категорически воспрещается. Безвестные юности и девушки, ранее демонстрировавшие модели готовой одежды (основная часть иллюстраций), заменяются «звездами». Вводится специальный отдел «Записки книжка кумиру». Звезд будут использоваться «юные вальстистки ушей и ног», поскольку речь идет в первую очередь о светских эстрадах.

Со страниц журнала звучат лести и вкрадывающиеся речи, обращенные к молодежи:

«У вас великая сила — это ваша молодость... Вы представляете собой нечто, много страннее. Вы делаете погоду в такой непрерывно меняющейся сфере, как мода; от вас зависит карьеры кинозвезд, успех всевозможных товаров-новинок, и одно... Однако у каждого из вас, вазтого в отдельности, много проблем, которые он хотел бы разрешить быстро и без особенного труда... Мы поможем вам, дорогие друзья».

Проблемы французской молодежи Господин Марсель Дассо стал бы весьма искусен в этих проблемах, если бы прочитал (упуск бояе, мы не предадим) не прочитанную бизнесмену коммунистических изданий! хотя бы серию статей Жерара Мор-

на, опубликованную недавно в газете «Фигаро». Красноречиво уже само заглавие его очерков и бесед: «О другой молодежи... той, которая работает».

Но в намерения «дедушки Дассо» не входит, разумеется, «помогать» собеседникам и собеседницам Жерара Морера.

Я с трудом совую концы с концами, — сказал корреспонденту Наталье, семидесятилетней хозяйке квартиры в департаменте Уэль — Я зарабатываю свою франков в месяц и трачу семидесять два на еду... Но моя главная проблема — это как-нибудь овладеть своей профессией, учиться своему делу, а пока я мальчишка на побегушках. Я подметаю, чешу, скребу, мою витрину — так я овладеваю профессией репаратора.

— Я хотела бы учиться на вечерних курсах, чтобы получить настоящую специальность, — раскрыла журналисту свои стремления девушка из Монсо, — но расписание таково, что я не могу туда поступить. Занятия на курсах с шести до восьми вечера. А я работаю с восьми утра до половины седьмого. Если поступлю на курсы, буду занята двенадцать часов, а ведь еще есть задания на дом! Родители говорят, что это невозможно. Одна из моих подруг начала и бросила. Слишком трудно. Весь день у меня так напряжены нервы, что мне даже не хочется после работы подумать, что-нибудь интересное, заняться своим образованием...

Как получить специальность? Где найти настоящую работу? И еще: «Установка» — это проблема номер один: вот о чем пишет Жерар Морер, говоря о французской молодежи, той, которая трудится.

Нет, не эти проблемы волнуют владельца «Жур де Франс». И не эта молодежь делает он ставку, хотя, разумеется, не побрагут и франкашки, заработанными наемным трудом. «Выберите себе улыбку» так называют очередная «лекция», преподаваемая на страницах журнала.

Горгу «улыбками», Марсель Дассо собирается вести с собой мальчишек и девочек, которых, по словам парижского еженедельника «Канар аншан», «...крупные бизнесмены за последние время стали рассматривать как прибыльный коммерческий рынок».

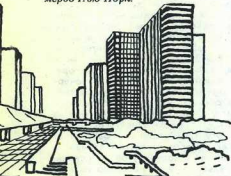
«Печать и пластинки» — добавляет газета, — изготовляемые для молодежи, рассказывают о великом количестве историй и, разумеется, не делают ни малейшего намека на тот огромный бизнес, для которого сама молодежь служит первичным сырьем.

«Канар аншан» называет это явление относительно новым. Я тоже не знаю, как будет развиваться дальше опенки, рассказывающие о великом количестве историй и, разумеется, не делают ни малейшего намека на тот огромный бизнес, для которого сама молодежь служит первичным сырьем.

Н. ЗАГОВОРОВ

Каменным дождевикам стал развиваться до гигантских размеров Нью-Йорк.

Городом башен будет, по предположению Ле Корбюзье, город будущего.

Знаменитый Фрэнк Ллойд Райт узнает икает: город будущего — дома среди полей и лесов.

Создатель новой столицы Бразилии Оскар Нимейер попытается соединить в единой ансамбль природу и создание рук человека.

Уэллс: город исчезнет!

«Уже достаточное число раз доказывалось, что слово «город» исчезнет из нашего лексикона, как исчез эпочный диалект. Для новых разросшихся областей, которые зрянут место старых городов, нужен новый термин. Так великий писатель-фантаст Герберт Уэллс писал в 1902 году в своих «Предвидениях» о городе будущего. Урбанизированным районам предложил писатель назвать разросшиеся городские области.

Как оказалось, Уэллс во многом был прав. Стремительно растущие города несомненно каменной лавиной расплывутся по лику планеты. Каждый год толпы в один Соединенных Штатах Америки города покрывают по миллиону гектаров отличной сельскохозяйственной земли. Самый большой город Америки — Нью-Йорк — уже трудно назвать городом в обычном смысле слова. Это гигантский городской район без определенного плана, без конкретных очертаний. Нью-Йорк сегодня — это бесчисленные пригороды и маленькие городки, которые некогда были в добром десятке миль от поглощающего их города.

Такое же будущее, по словам самих американцев, ждет и другие крупные города, лежащие на побережье Атлантического океана, — Бостон, Филадельфия, Балтимор, Вашингтон. Распухнув до непомерно больших, гиперпропорциональных размеров, эти города сольются в единое целое, в городской район протяженностью до 900 километров.

Следовательно, можно предположить, что в какой-то далекий отдаленный времени планета станет одним сверхгигантским городом, распластавшимся по всей земной тверди. Предположение это стоит того, чтобы повзвонить ему фантастический роман. Ну, а если рассмотреть эту проблему с точки зрения современной науки?

Райт против Корбюзье

Город будущего — каким только не рисовали его ученые! Градостроители всех времен и всех народов пытались постичь законы, по которым растут и развиваются города, пытались заглянуть в их будущее. Томас Мур в «Золотой книге», вышедшей в Лондоне в 1516 году, писал об острове, затерянном где-то в океане, на котором стоят 54 города, все «обширные и великодушные». Иначе видел город затерянного дня Томас Кампелла — английский ученый XVII века. В своем произведении «Город Солнца» он писал, что город это непременно должен стоять на высокой холме и располагаться в виде семи концентрических колец, соединенных четырнадцатью мощными дорогами. Каждое кольцо Кампелла называл именем одной из планет.

Но все это не более как фантастическое прозрение. Города-близнецы реальным взглядом затерянные города в прокатах наших современников. Знаменитый Фрэнк Ллойд Райт, например, считал, что город обязательно станет агроцентром, в котором каждая семья будет обладать половиной гектара земли. Заводы, магазины, театры, стадионы, концертные залы, театры, школы, больницы, предложил разместить прямо среди полей. Никакого транспорта, кроме

автомобилей. В полной децентрализации: видел американский архитектор сплавские современного города.

Французский архитектор Ле Корбюзье выдвинул проект, принципиально отличный от проекта Фрэнка Райта. Он, наоборот, считает, что город в будущем станет скоплением модернизированных небоскребов, превратится в «город башен». Если Райт стремился рассредоточить население, разместить людей на возможно большей площади, то Корбюзье, наоборот, предлагает сконцентрировать все население в центре города; от которого кругами радиально выйдут длинные кварталы. В промежутке между этими коллидами — леса и парки.

Но и эти проекты были бы трудно воплотить в жизнь. А вот так называемый «город-сад» уже ближе к реальному прототипу города будущего: на некотором расстоянии от современного многоэтажного лежат самостоятельные городки. Больших зданий здесь нет. Нет и крупных автомагистралей — они обтекают городок стороной. Такие городки-сады уже начали строить в некоторых странах.

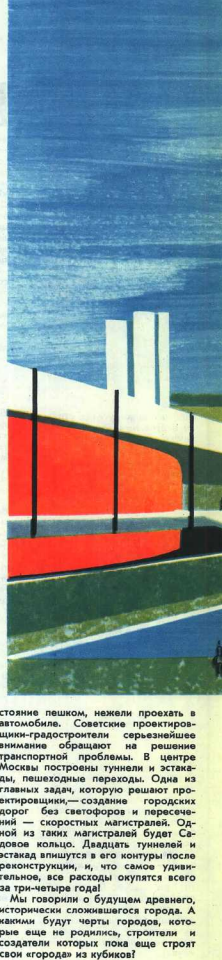
Сейчас много говорят и спорят о работе Оскара Нимейера — создателя новой столицы Бразилии. Скульптор железобетона, как его часто называют, пожалуй, как никто из современных архитекторов, понял и оценил возможности этого строительного материала. Здания, построенные Нимейером, легки и воздушны, они словно пропитаны солнечным светом. Но секрет успеха бразильского архитектора не только в тонком понимании «души» бетона, но и умении слить, соединить в единый ансамбль природу и создание рук человека.

Пожалуй, именно слияние с природой станет обязательным для города будущего. Поэтому советские архитекторы, работающие над планом реконструкции Москвы, особое значение придут лесопарковой защитной зоне. Леса — это легкие большого города, это жителюм дышащее свежее, несущее здоровье воздуха.

Двадцать лет спустя

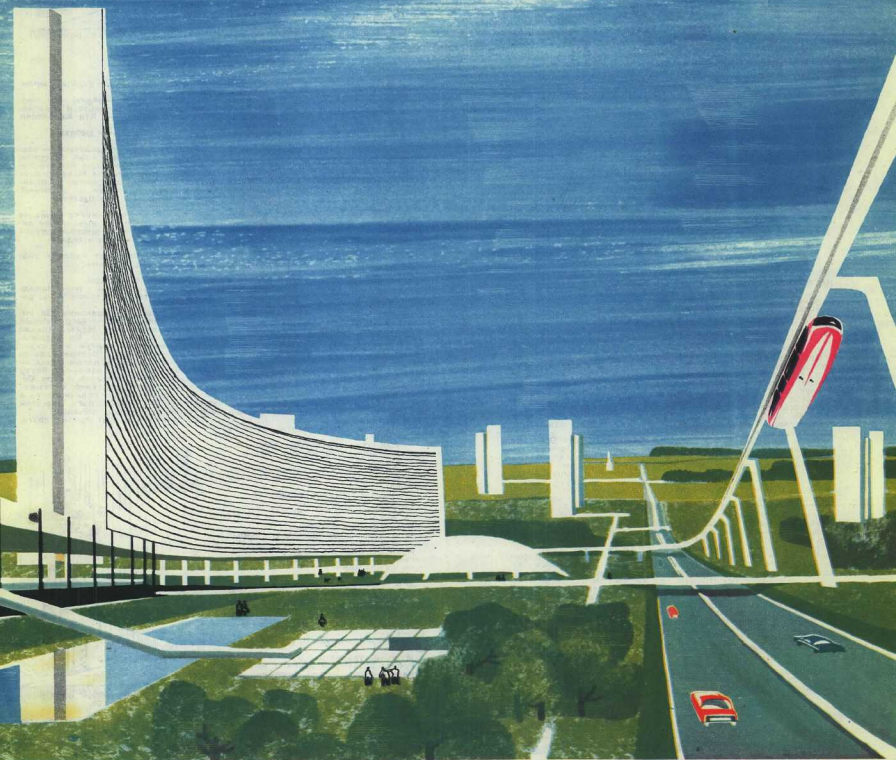
Пройдет двадцать лет — и наши столицы изменятся неузнаваемо. Главная, что займает советских архитекторов, создателей столицы завтрашнего дня, — это забота о москвичах. Через двадцать лет каждая семья будет иметь свое жилье в квартире. Это первый этап. Следующей задачей станет снабдить каждую семью квартирой по формуле $n-1$. У нас семья из пяти человек? Значит, вы будете жить в шестикомнатной квартире (на каждого по комнате и еще одна общая). Ну, а будет ли Москва ширится: раз по примеру американских городов? В течение ближайших двадцати лет — вряд ли. Сейчас в ее границах около 87,5 тысяч гектаров земли, удобной для застройки. Этого вполне достаточно, чтобы построить семьдесят миллионов квадратных метров жилой площади.

Центр города. Здесь главная проблема — транспорт. Во многих крупных городах на Западе да и у нас подчас быстрее пройти какое-то рас-

стояние пешком, нежели проехать в автомобиле. Советские проектировщики-градостроители серьезное внимание обращают на решение транспортной проблемы. В центре Москвы построены туннели и эстакады, пешеходные переходы. Одна из главных задач, которую решают проектировщики, — создание городских дорог без светофоров и пересечений — скоростных магистралей. Одной из них магистраль будет Садовое кольцо. Двадцать туннелей и эстакад впишутся в его контуры после реконструкции, и, что самое удивительное, все расходы окупятся всего за три-четыре года!

Мы говорили о будущем древнего, исторического сложившегося города. А какими будут черты городов, которые еще не родились, строители и создатели которых пока еще строят свои города из кубиков!

Зеленый луч, дом №...

Поезд монорельсовой дороги бесшумно вкатился под стеклянный купол станции. Ковчежная остановка. Кругом выссятся деревья, мимо которых бегут несколько дорожек, аккуратно выложенных каменными плитами. По какой дорожке нам пойти? На указателе читаем: «Просека Зеленый луч». Посмотрим, куда он нас выведет.

Сквозь деревья неожиданно проглянули фасады домов, окрашенные в мягкие тона. Как-то странно здесь, прямо в лесу, на гигантской поляне, покрытой травой, найти вдруг стройный корпус современных зданий. Еще несколько минут назад, когда мы шли по лесу вдоль жемчужной изгороди из зарослей боярышника, крыжовника, смородины, почему-то вспомнился дом, который построил

на уединенном острове легендарный Робинзон. Появился этот дом здесь — мы бы нисколько не удивились. Но величественные здания, которые могли бы украсить любую из московских улиц. И все-таки лесной город нам очень понравился — и своей тишиной, нарушаемой лишь пением птиц, и дрожашками лесными тенями, и свежим потоком пахучего воздуха.

Так выглядит город в проекте советского архитектора Г. А. Градова. Весь комплекс жилых зданий автор предложил разместить прямо «на природе» — жилье дома, детские сады, магазины, стадион, комбинат бытового обслуживания. Интересно архитектор решил систему адский сад — «спутник». Каждый жилой дом соединен остекленным переходом с одноэтажным зданием детского сада. И заметьте, все это среди кустов и

деревьев, разбросанных самым неприглядным образом! И отпадет тогда необходимость уезжать летом из города, потому что сам город, состоящий из домов-комплексов, — это город, как бы вошедший в лес, чтобы уже никогда с ним не расставаться.

В квартирах домов этого города вы не увидите многого из привычной обстановки. Вместо громоздких шкафов появятся перегородки, исчезнет кухонная мебель. Да и сами кухни не будут: электротехнические комбайны помогут вам легко и быстро приготовить ужин или завтрак, а что касается обеда, то к вашим услугам просторная столовая, расположенная по всему второму этажу.

Другой представляет себе город будущего советский архитектор В. Д. Ланда. Весь город — одна гигантская пластина-небоскреб, вы-

нушенная на несколько километров. Автор проекта предложил все дома, из которых состоит город, как бы приставить один к другому. Такая многоэтажная пластина — изогнутая или прямая — легко впишется в любой самый своеобразный пейзаж. Что касается административных зданий, то их архитектор предлагает разместить по одну сторону дома-комплекса. Промышленные предприятия образуют такую же пластину, но удаленную от жилой на несколько километров. А в пространстве между этими гранями зданий-пластин размещаются стадионы, театры, школы, институты.

...Проектов много. Самые разнообразные. Но объединяет их одно: стремление наших архитекторов и планировщиков сделать жизнь советских людей еще краше и радостнее.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЛАВОМИРЕ МРОЖЕКЕ

Представить современному читателю Славомира Мрожека, с одной стороны, легко, с другой, однако, не так уж просто. Конечно, без особого труда можно набросать его короткую биографию, но гораздо больших усилий потребует разбор его творчества.

Мрожек с наиболее трудом, оставив трудное на десерт, произведения помещал в краковской прессе. Последнее, в 1950 году, редактировал в «Шпильках», а в 1953 году — на сцене — пьесой, которая обошла, вероятно, полмира, «Политесие». Первую книгу рассказов «Фантастичне подорожания» он выпустил в 1953 году. Позднее на книжном прилавке появились следующие его сборники: «Слон», «Садбб и Атомска» и «Лонда». Несколько лет назад была опубликована его сатирическая повесть «Маленькое лето», а в этом году в одном томе были собраны все его пьесы.

Нужно признать, что это весьма солидный багаж. Особенно, если учесть, что немало произведений Славомира Мрожека ради до сих пор еще не собрано в никаких изданиях. Но всему Мрожек не только писатель — сатирик и драматург. Он не напрасно потратил время, будучи в стенах Академии изящных искусств: автор «Слона» еще и рисует. В течение ряда лет его карикатуры появлялись в еженедельнике «Пшечир». Часть этих забавных сатирических и юмористических рисунков Мрожек издал в книге, носившей название «Полынь в картинках».

Но, разумеется, карикатура — побочная линия в его творчестве. Мрожек прежде всего писатель-сатирик. И притом сатирик с необычно пронзительным, острым взглядом на мир. Мрожек, как бы это сказать, — писатель, необычайно польский в своем знании наших национальных черт, тех, которые родились в течение веков и нередко являются неизбежным багажом, в тех, которые рождены совпадением дней.

По «специальности» Мрожек, как это уже многократно отмечалось, рассказчик. То, что он хочет высказать, он заключает в форму короткого, емкого рассказа. Сатира вообще не требует бойкости. А Мрожек испытывает страдание и больнее, как никто другой. Он вмешивается в жизнь по-своему. Обывает как-нибудь, узнай участок нашей деятельности или нашей психики, он осветит его своим трюизмом и своим безумным смехом.

Никогда не смотри Мрожек на мир и на людей с позиции холодного, высоммерного объективизма. Его творчество полно ярости. Его вмешательство в жизнь искрено. Если его сатира принимает порой характер болезненной операции, тем больше заслуга писательского таланта, что мы охотно идем на эту операцию.

АРНОЛЬД МОСТИЧ,
главный редактор польского сатирического еженедельника «Шпильки»

СМЕЮТСЯ
ХУДОЖНИКИ
ЖУРНАЛА
«ШПИЛЬКИ»

БЕЗ СЛОВ. Рисунок Кароля ФЕРСТЕРА

Рисунок Эрика ЛПИНСКОГО.

— Все в порядке, — сказал милиционер. — Совсем не в порядке! — возпротивился мужчина в пальто и обратился к школьникам: — Кто вам велел возложить этот венок?

— Ничто, — ответил ребята. Мужчина взорвался. — Ал! Значит, признается! — воскликнул он. — Значит, сами говорите, что данная манифестация памяти Незнаменного повстанца не была организована ни дирекцией школы, ни правлением совета молодежи, ни районной администрацией, ни городской?

— Конечно, нет!

— И что это возложение венка не было проведено ни по инициативе лиги женщин, ни товариществом друзей тысяча девятьсот пятого года?

— Нет, — И что у вас нет никаких указаний? Что это вы сами?

— Мы сами. — Он вытер лоб платком.

— Сервант, — сказал он, — немедленно заберите у них венок. А вы разойдетесь!

Ребята отшли в молчании. За ними шел милиционер, нагруженный венком. У памятника остался только деятель в синем пальто. Он позорительно осматривал статую и оглядывался по сторонам. Вскоре пошел дождь. Маленькими каплями падал он на синее пальто и на каменную плиту повстанца. Стало пасмурно и серо. Серванте начал медленно спускаться с головы статуи, покачиваясь в каменных узах, как спелый букет в пустых, гранитных тазиках. Так они стояли друг против друга.

Рисунок В. СТАЙНСКОГО

— Хотим почтить память революционера, павшего в борьбе за свободу народа. — Ага, вы товарищ из района?

— Нет, мы из школы. — А из района нет никого?

— Нет, мы сами. — Мужчина был озадачен.

— А может, вам школа поручила?

— Нет, мы сами. — Мужчина отошел. Когда ребята воагдали и подносили памятника венком, один из них крикнул:

— Он возвращается!

Действительно, мужчина в пальто появился снова. На этот раз он остановился в нескольких шагах и спросил:

— А может, сейчас месачник углубления памятника неизвестных революционеров?

— Нет! — крикнули ребята. — Мы сами!

Мужчина удалился. Ребята возложили венок и уже собирались уйти, когда мужчина появился опять, но уже с сопроводением милиционера.

— Прочь документы, — сказал милиционер ребятам.

Они подали ему ученические билеты. Он проверил их и отдал честь.

ПОМОГИТЕ!

— НЕТ, НЕ ВЫ!!

НЕПРИЧЕСАННЫЕ
МЫСЛИ

До глубокой мысли нуж-
но подняться.

Однажды я видел титана,
итопящего носки. Для не-
го это был первый титани-
ческий труд.

Если бы козла отпущения
можно было бы есть и до-
ить!

Розы всегда пахнут про-
фессионально.

Он! Он обладает энцикло-
педической безграмотно-
стью.

Я хотел сказать миру
только одно слово. Посколь-
ку мне это не удалось, я
стал писателем.

Дно остается дном, даже
если его перевернуть.

Демосфен свободно оратор-
ствовал с кашеком во
рту. Тоже мне помахал!

Одиночество, как ты пере-
маслено!

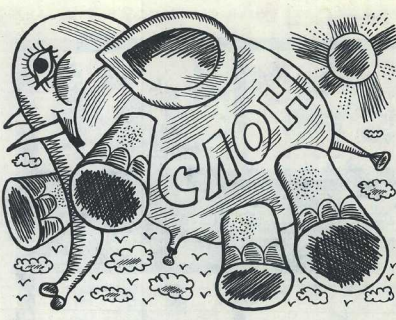
Цена слова! Каждое из
них может стать твоим по-
следним.

Имет ли право любодое
говорить от имени сведен-
ных им любодое?

Жизнь отнимает у любодое
страшно много времени.

Не просто жить после
смерти. Иногда на это при-
ходится потратить всю
жизнь.

Перевел польского
В. ТАТАРИНОВ.

директор зоологического сада оказался нарцистом. Заверши для него были только средства для достижения личных целей. Он не заботился о нишевой роли своего учреждения в воспитании людей. Умирая, мнящий в его зоологическом саду цен. Барсуки даже не имел своей норы, сусалин, промывки по всему безразличию, свистели чрезвычайно редко и как будто неохотно. Эти недостатки не должны были иметь место. Тем более что в зоосад часто приходили на экскурсию школьники.

Это был провинциальный зоосад, в нем хватало несложных основных зверей, в том числе слона. Его пробовали временно заменить, выразив три тысячи кролика. Но по мере того как развалилась страна, по плану анимировались и млекопитающие. Наконец дошла очередь и до слона. По случаю национального праздника зоосад получил известие, что вопрос о выделении ему слона решен положительным студентами зоосада, всей душой преданные своему делу, но не настолько искренние. Какое же было их удивление, когда они узнали, что директор написал в Варшаву деловое письмо, в котором отказывался от отпущенного им слона и предлагал план по уходу слона, осуществляемому путем:

И весь коллектив, писал слон, — отдаем себе отчет в том, что слон — это большая тяжесть на плечах польского сафтера и металиста. Стремимся снизить себестоимость, я предлагаю заменить вышуполонимого слона слон собственного производства. Мы можем сделать слона из резины в натуральную величину, наполнить его воздухом и поставить в вольтер. Он будет достаточно разрабатан и пути не будет отличаться от настоящего, только близким расстоянием. Мы помним, что слон — невозможное переговоры: он не бегают, не прыгает и не падает на землю. На огrade мы повесим табличку, объясняющую, что это особенно неповоротливый слон. Деньги, сэкономленные на этом, можно использовать на строительство нового самолета или на охрану памятников страны. Прошу обратить внимание, что как индустрия, так и разработка прорента являются двумя сторонами одной и той же медали. Уважайте вас... и подпись.

Очевидно, письмо попало в руки безудачного чиновника, который по бюрократически понимал свои обязанности, не аник в существово вольтер и, руководствуясь только директивами по снижению себестоимости, согласился с планом директора.

Получив утвердительный ответ, директор зоологического сада распорядился сделать огромную резиновую баллонку, а затем наполнить ее воздухом. Это должны были выложить два слонающих зоосада, надувая слона с двух противоположных концов. Что бы случилось все в тайне, решено было сделать ночью. Интели города уже знали, что в зоосад должны поступить слон, и металги его увидят. Да и директор торжественно рассчитывал получить премию за успешное осуществление своего замысла.

Слушание загорелся в сарае, где все было подготовлено, и начали надвигать. Однако после двух часов упорных стараний они обнаруживают, что слон оказался значительно подпрыгнул над полом, наполненная огромная воздушная баллонка. Была проведена ночь, замолки чешовские господа, только из клеток доносился вой шапана. Утром в клетку наду-

Учитель хотел, чтобы его урок был нагляден. Он остановил всю группу перед слонком и начал:

Слон — животное травоядное. При помощи хобота он вырывает молодые деревца и объедает их тонкими листьями.

Ученики, стоявшие вокруг слона, рассматривали его с удивлением. Они знали, что слон вырвет наконце-нибудь деревце, но он по-прежнему стоял за загорождением и не двинулся.

— Слон происходит по прямой линии от уже вымерших мамонтов. Ни чего удивительного, что он самый большой из всех существующих обитателей суши.

Приленные ученики записывали. Только один тихонее слона, но он живет в море. Поэтому, мы можем смело сказать, что царем джунглей является слон.

По саду пронесся легкий ветер. Вес зарослого слона колдовался от четырех до шести тысяч килограммов.

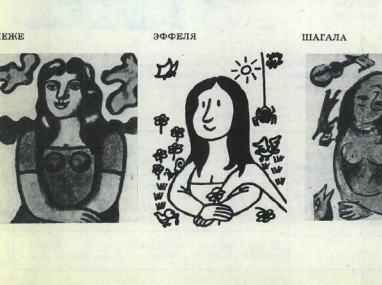
Воду слон зарюкнул и поднялся в воздух. Минуту он начался еще над землей, но, подкачаный ветром, стал подниматься все выше и выше, пока наконец все его мощная фигура не представала на фоне небесной синевы. Еще минута, и он повернулся и удивленным зрителям четырем овалами растопыренных ног, пухатым животом и кончиком хвоста. Потом, влюбленный ветром, горизонтально проплыл над оградой и исчез в вышине где-то над верхушками деревьев. Остолбеневшие обезьяны смотрели на небо.

Слона нашли в располосном по-лосности ботаническом саду, где, опускаясь, он сел на кантук и лопнул.

А ученики, которые в этот день были в зоологическом саду, начали плохо учиться и стали хулиганить. В слона вообще не верит.

Перевел с польского
В. БУРЧ и М. ПАВЛОВА.

Как улыбалась бы Монна Лиза на картинах современных художников:

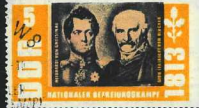
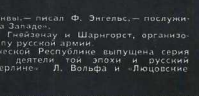
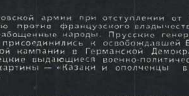
ЛЕЖЕ ФЕФЕЯ ШАГАЛА ПИКАССО

Рисунок Эрика ЛИПНИНСКОГО

РИСУНОК БЕЗ СЛОВ. Землева ЮЛИЯ.

Новые марки ГДР

Вертолет-пастух

Миниатурный вертолет, сконструированный английским И. Уоллесом, весит 100 килограммов. Однако, несмотря на это, аппарат поднимает в воздух 70 килограммов груза.

Полет на такой машине безопасен. При выключенном двигателе вертолет-пастуха спланирует планирует. Новый вертолет не только замечательная новинка для спортсменов. Он может быть использован и на различных работах: на геодезической и топографической съемках местности, охране лесов, тушении пожаров, на пастбище сыктывкарского совхоза и химической прополке посевов.

РЕКЛАМА АРТИСТА

Американский артист Виктор Мечер по приему правительства Рима послал оттуда своим друзьям в США открытку с видом развалин Колизея и лугуной падищью. «Вчера я здесь выступал. Восторг публики был так велик, что здание театра рухнуло».

ПОМОЩЬ ПО ЭФИРУ

«УАЗКАС... УАЗКАС...» Работает радиостанция Дворца пионеров.

Полтора года назад впервые прозвучали ее позывные. Сегодня их знает весь мир: семь тысяч карточек-визиток с эмблемой Дворца пионеров получили иностранные радиолюбители, с которыми говорила УАЗКАС.

История одной радиосвязи рассказала мне московский школьник, один из членов кружка юных коротковолновиков, Коля Дойковский.

В тот день в ваушках царил хаос, но, выйдя в эфир, я услышала голос из Батуми. Батуми зывала Москву:

«Получаю сообщение из Калинин. Передают о беде в Югославии. Из-за грозы вы Калинин не слышите. Свяжитесь с Югославией — позывные УИЗМО. Они ждут. Они ждут».

Я стал размышлять УИЗМО. Югославский радиомобиль ответил сразу: «В городе Осиек смерть грозит двенадцатилетнему паренку — необходимого лекарства в Югославии нет. Помогите».

Мы тотчас позвонили в Исполнительный Комитет Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца. А еще через несколько часов самолет, на борту которого было лекарство, взяла курс на Югославию.

Оно прибыло вовремя. Югославский мальчик был спасен.

Л. ИВАНОВА

ЧУДО ПОДМОСКОВНОГО ЛЕСА

Трудно поверить, что на фотографии еще одно чудо подмосковного леса, а не сада или зоопарка. Это не цветок. Это веточка обыкновенного тальника, листок которого распустился причудливым зеленым цветком. Чудесный цветок на листьях зеленым зарослям тальника на берегу реки Протвы наш фоторепродент В. Воротков.

Фото С. ПЕТРУШИНА.

ТРУДОЛЮБИВЫЕ СТРАУСЫ

Страусы отличаются быстрым бегом, острой зрением, чутким слухом. Поэтому кое-где их стали использовать в роли пастухов. Страусы-пастухи оказались весьма незаменимыми: они не только отгоняют от стада посторонних, но предупреждают их, не стесняясь нападать даже на автомобиль.

Учитывая хорошие «хоровые качества» страусов, в Африке их использовали в качестве посылки. А в Калифорнии недавно состоялся «страусовые бега», которые прошли с большим успехом.

С. МАРЧЕВ, Л. БАВУШКИН

Микробблиотека

Юлиус Янка, директор типографии Будапештского университета, коллекционирует миниатюрные издания. Сейчас его библиотека насчитывает 106 «томов», причем ни одну из книг нельзя читать без лупы. Самые ценные экземпляры в своем собрании Юлиус Янка считает лейпцигское издание «Коммунистического манифеста» форматом 4 х 5 сантиметров.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Вузмажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-83; отдел печати и публикации — Д 3-31-03; мендучародной линии — Д 3-31-50; фотослужбы и спорты — Д 3-30-87; телеграммы — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-89; информации — Д 3-31-86; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакторы: Ю. Н. Веренин, Е. А. Доматовский, К. Н. Замошкин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Кочетов, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), Е. И. Рубчинов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова. Технический редактор Н. Будкина.

А 00484. Подписано и печатно 5/IX 1984 г. Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 1710. Заказ № 2326. Формат бумаги 70x108/8. 2 сум. л.— 548 экз. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Искра поиска

Работы Тогрула Нариманбеова, с которыми мы знакомим читателей «Смены», лишь небольшая часть того, что сделано молодым азербайджанским художником за последние несколько лет. Его картины хорошо знают не только у нас в стране, но и за рубежом.

Картины Нариманбеова написаны широкой и свободной кистью. Его живопись резка, мускулиста, монументальна, материальна. Нариманбеов не боится цвета, наоборот, ищет его, не гнушается краской. Должно быть, поэтому краски шлепны до страсти, живописи ярки, как сама жизнь, но при этом гармоничны, сбалансированы. И речь тут идет, конечно, не о декоративных путях — главное — люди: и бакинские комиссары, и рыбаки. Прибалтики, и неграждане — члены Бригады Дышара Гарниева.

Скульптурность его рисунка наводит на сравнения с грандиозными барельефами мощных, словно высеченных из камня людей. Художник прибегает к гротеску и деформации, чтобы ярче подчеркнуть самообразие в своих героях, — он не копирует окружающий мир, но воссоздает его в сложной и многообразной единстве. Как правило, необычная композиция. Но новый ракурс — это не просто находка или оригинальное построение, это всегда новый поворот темы. Сильные, зачерченные линии, мазки, напряженная динамика острей и резче ритмов, цветовых пятен — в этом Тогрул Нариманбеов. И сейчас скажем о другом, яркости красок, интенсивности композиции лавинообразно проступает ясность человеческих чувств.

Стиль определяется особенностями восприятия, — говорит Нариманбеов, — русский дубок и азербайджанскую аминатору роднит вино, главным образом общность ассоциаций: женщина всегда светла, материнство всегда возвышено. Разница только в темпераменте: звонкий и прозрачный северный полярит, у нас же, в Азербайджане, густые и насыщенные тона.

Нариманбеов работает не покладая рук, одна за другой в непростых, мучительных поисках рождаются его картины. В мастерской я видел асыны и наброски и новой большой работе об Османе тамимы. Фон и лица узников, освещенные холодным светом прожекторов.

Его последнее, почти законченное полотно называется «Образ Бану». Не городской пейзаж, не уступок, не площади или улочки, а именно образ Бану, возмущенный с высоты птичьего полета. Я видел город из камня с черными крышами, пахнущий солнцем. Девичью башню — она оперлась на ветры, стралы стрелитых нравов, зеленатоват-синие, подернутые золотом волны Каспия.

Тематически работы Нариманбеова не похожи друг на друга. Но пестрота не исключает единства, а разнообразие есть гармония. И верю: нашим зрителям предстоит еще одна радостная встреча с молодым азербайджанским живописцем.

Ф. ДАВЫДОВ

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820